

ПУТЬ ВЕДЬМЫ. ТЕНИ ИСТИНЫ.

ЕЛЕНА ДАВЫДОВА

Елена Давыдова

Путь Ведьмы. Тени истины

«Автор»

2026

Давыдова Е.

Путь Ведьмы. Тени истины / Е. Давыдова — «Автор», 2026

Финал трилогии раскрывает истинные истоки великого противостояния. Скрытые веками тайны выходят на свет, рассказывая о том, как тьма впервые проникла в мир, защищенный древними клятвами. Вы отправитесь в эпоху до Храма и его законов — во времена, когда баланс между светом и тьмой еще не был установлен. Здесь, у самого начала времен, неопитка Лея столкнется с мощью, способной изменить судьбу мироздания.

© Давыдова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Давыдова

Путь Ведьмы. Тени истины

Глава 1

Старший хранитель Илар шагал по залу Совета, и каждый его шаг отдавался гулким эхом под сводами из синего камня. Перед ним мерцала Чаша Памяти — древний артефакт, в котором, как говорили, отражались не лица, а намерения. Илар опустил взгляд в ее тихую глубину и увидел не только себя, но и весь орден на пороге выбора.

— Тьма не приходит извне, — проронил он, и голос его эхом отразился от сводов зала.. — Она вырастает там, где мы позволяем страху говорить громче веры.

Его слова встретили молчанием. Хранители обменялись тревожными взглядами: некоторые вжались в тени колонн, другие приблизились к окнам, за которыми бушевала гроза. С тех пор как в долинах стали гаснуть священные огни, а реки потемнели, никто уже не сомневался: древнее равновесие нарушено. Но кто именно стал причиной этого — враг, спрятавшийся в тени, или сам орден, забывший цену своей силы?

В ту ночь юная послушница Лея первой услышала зов. Не голос и не песню — скорее дрожь в самого мира, тонкую, как натянутая нить. Она вышла из храма и увидела, как над лесом поднимается черное сияние. Не пламя, не дым — нечто более древнее и голодное. И в этом сиянии медленно проступали силуэты тех, кого считали исчезнувшими много лет назад.

Девушка замерла, чувствуя, как холод поднимается по босым ступням, будто сам камень храма вспомнил давно забытый страх. Юная послушница застыла на террасе, её ноги приросли к холодным плитам. Ладонь была прижата к груди, где сердце билось в такт нарастающему гулу. И только сейчас она поняла: зов слышала не она одна. Где-то внутри святилища уже звенели тревожные колокольчики — сухо и мелко, словно кто-то невидимый касался их ледяными пальцами.

— Настоятельница... — прошептала Лея, но слова утонули в рёве чёрного сияния над лесом..

Черное сияние над лесом разрасталось, как трещина в ночи. Из него выходили тени — сперва неясные, затем все отчетливее: высокие фигуры в плащах, лица скрыты, а за плечами — длинные, слишком неподвижные тени, не совпадавшие с их движениями. С каждым шагом они будто возвращали земле то, что когда-то было у нее отнято. Птицы в лесу внезапно смолкли. Ветер стих. Даже звезды, казалось, отступили назад.

Существа в плащах выступили из тьмы, их тени расползлись по земле, словно чернила в воде. Лея отпрянула, когда один из них поднял голову, его взгляд пронзил её насквозь.

Иара появилась в дверном проёме, её серебряный обруч сверкнул в отблесках молний. Жезл в её руке дрожал, словно живой..

— Не стой там! — приказала она, и голос её прорезал тьму. — Лея, немедленно внутрь!

Лея обернулась, её волосы развевались на ветру, глаза сияли от страха и решимости.. На пороге стояла настоятельница — бледная, с серебряным обручем на висках; в руке у нее дрожал древний жезл, на конце которого мерцал тусклый огонь. Но даже это слабое свечение не могло вытеснить тьму, уже ползущую по небу.

— Кто они? — выдохнула она, её голос дрожал от напряжения.

Иара закрыла глаза, словно собирая силы перед ответом.

— Те, кого мы называли исчезнувшими, — проговорила она, и каждое слово весило, как камень. — И те, чьего возвращения следовало бояться больше всего.

С нижних ярусов храма донесся новый звук — глухой, протяжный удар колокола, будто сам камень пробудился от многолетнего сна. Лея почувствовала, как жезл в руках настоящейницы вспыхнул ярче, а тени над лесом остановились, точно прислушиваясь.

И тогда из самой сердцевины черного сияния кто-то сделал шаг вперед. Не тень и не человек — нечто, что еще помнило, как быть и тем, и другим.

И Лея вдруг поняла: зов этой ночи был не предупреждением.

Он был ответом.

Существо в чёрном сделало шаг вперёд, воздух затрещал от напряжения. Воздух вокруг нее дрогнул, как тонкая паутинка. Послушница почувствовала запах холодного камня, мокрой золы и чего-то древнего, почти забытого. Словно открылась дверь в помещение, где веками не гасли лампы.

Лея отступила, её каблук поскользнулся на мокром камне. Где-то в глубине коридора капала вода, нарушая вязкую тишину. Фигура не торопилась. Черное свечение вокруг нее не освещало стены — наоборот, будто вырезало из мира узкий провал, в котором исчезали очертания пола и потолка.

— Не подходи, — прошептала Лея, и голос её прервался от страха.

Существо остановилось. Под низким капюшоном не было видно лица, только два тусклых отблеска, как угли под пеплом. И все же Лее показалось, что оно смотрит не на нее, а сквозь нее. В то место, где прятались ее страхи, вина и все, от чего она бежала последние три месяца.

Пальцы сжались на ремне сумки, где в потайном кармане лежал старый ключ, старый, с узором из переплетенных ветвей. Она не знала, почему взяла его с собой сегодня, почему вообще поверила письму без подписи, в котором было всего четыре слова: «Приходи одна».

Существо подняло руку в медленном, почти церемониальном жесте. Черное свечение вокруг заплесало. На миг Лея увидела за спиной незнакомца арку, которой секунду назад там не было. Каменную, испещренную трещинами, затянутую паутиной светящихся знаков.

И тогда изнутри арки донесся звук — тихий, но отчетливый.

Кто-то стучал.

Три удара. Пауза. Потом еще один.

Лея затаила дыхание. В груди холодом развернулась догадка, слишком ужасная, чтобы произнести ее вслух. Фигура в черном свечении чуть склонила голову, словно подтверждая то, чего она еще не успела понять.

Послушница медленно отступила на шаг, чувствуя, как холод каменного пола поднимается сквозь подошвы. Звук повторился — уже ближе, уже увереннее. Кто бы ни стоял по ту сторону арки, он знал, что его слышали.

— Не смотри туда, — прошептал кто-то совсем рядом.

Девушка резко обернулась, но позади был лишь коридор, уходящий в темноту, и слабый дрожащий свет, расплывшийся по стенам, как пятно от пролитых чернил. Воздух стал тяжелее, будто сам зал затаил дыхание вместе с ней.

Из арки донесся скрип — медленный, тянущийся. Кто-то с усилием толкал дверь, которой там, секунду назад, не было.

Из темноты арки донёсся знакомый голос, и Лея замерла: воздух стал плотным, словно вода.

— Лея... открой. Это я, — прозвучало из мрака, и в голосе слышалась такая боль, что у неё защемило сердце.

Она резко обернулась, но увидела лишь коридор, уходящий в темноту. Свет расплзся по стенам, как пятно чернил. Девушка застыла. На мгновение ей показалось, что воздух вокруг стал плотным, как вода, и она не могла ни вдохнуть, ни пошевелиться. Этот голос она узнала бы где угодно — даже спустя годы.

— Нет... — вырвалось у нее почти беззвучно. — Ты не можешь быть здесь.

Из темноты арки не последовало ответа. Лишь слабое, едва уловимое движение — будто кто-то стоял там, удерживая себя на границе света и тени.

Пальцы Леи сами собой сомкнулись на рукояти фонаря. Луч дрогнул и выхватил из мрака край каменной кладки, следы старой влаги и тонкую полоску пыли, сдвинутой чьей-то недавней обувью.

— Лея, — снова прозвучал голос, и в нем было столько усталости и боли, что у нее защемило сердце. — Пожалуйста. У нас мало времени.

Слово «у нас» ударило сильнее всего.

Она медленно сделала шаг вперед.

— Если это ловушка... — начала Лея, но голос сорвался.

— Тогда я бы не звал тебя по имени, — ответили из темноты.

Лея увидела силуэт: высокий, сутулый, с опущенной головой. Эрион. Его лицо исказила тень шрама у виска. Но глаза остались теми же — полными боли и решимости.

Лея выронила воздух, будто вместе с ним из нее вышла вся ярость, страх и надежда, которую она носила в себе последние три года.

— Ты... — прошептала она.

Юноша едва заметно усмехнулся, и в этой улыбке не было радости — только боль.

— Я был им верен, — прошептал он, и в голосе прозвучала горечь. — Но меня не отпустили.

За его спиной что-то тихо шевельнулось в арке — не человек, не тень, а будто сама темнота на мгновение стала глубже. Лея шагнула назад.

— Что это?

Он резко поднял голову, прислушиваясь.

— Не смотри туда. Просто слушай меня. Ты должна уходить. Сейчас же.

— Уходить? — Лея почти рассмеялась от отчаяния. — Я только что увидела тебя живым! И ты просишь меня уйти?

Он сделал шаг к ней, и фонарь дрогнул в ее руке. Между ними оставалось всего несколько метров, но они казались бесконечными.

— Лея, — сказал он очень тихо, — если ты останешься еще на минуту, арка откроется полностью.

— И что тогда?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда они убьют тебя. Как убили меня.

Из глубины прохода донесся низкий, протяжный звук — не то вздох, не то скрежет огромного замка, который медленно проворачивают в незримой двери.

Лея почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Кто «они»? — спросила она, хотя ответ уже начал проступать у нее в памяти, как страшный силуэт под водой.

Он не ответил сразу. Только протянул руку — медленно, осторожно, словно боялся спугнуть ее.

— Иди ко мне, — сказал он. — И не оглядывайся.

И в этот момент за ее спиной, совсем рядом, тоже кто-то произнес ее имя.

— Лея... не слушай его.

Лея резко обернулась, встречаясь взглядом с незнакомцем. Его лицо, скрытое тенью капюшона, казалось ей смутно знакомым, но она не могла вспомнить откуда.

— Кто ты такой? — голос Леи дрожал, но она старалась держаться уверенно.

Незнакомец в капюшоне выступил вперёд, тёмные искры заплясали в его ладони.

— Я тот, кто знает правду, — произнёс он. — А он... он всего лишь марионетка.

Призрак у арки сделал еще один шаг вперед, его фигура начала растворяться в воздухе.

— Лея, — прошептал Эрион едва слышно, — не верь ему. Он лжет.

Незнакомец шагнул ближе, протягивая руку.

— Пойдем со мной, — прошептал он. — Я покажу тебе истину.

В этот момент арка полностью открылась, и из нее хлынула волна темной энергии. Лея почувствовала, как силы покидают ее, как тьма пытается проникнуть в сознание.

— Беги! — крикнул Эрион. — Спасайся!

Лея колебалась, разрываемая между призывами двух миров. Тьма надвигалась, поглощая свет, а призрак возлюбленного растворялся в воздухе. Она чувствовала, как тьма за спиной становится все сильнее, как призрак перед ней тает в воздухе.

Внезапно она вспомнила слова настоятельницы: «Те, кого мы называли исчезнувшими. И те, чьего возвращения следовало бояться больше всего».

Незнакомец рассмеялся.

— Ты все еще сомневаешься? — его голос эхом отразился от стен. — Посмотри на него. Он уже не принадлежит этому миру.

Призрак исчез окончательно, оставив после себя лишь легкое мерцание.

— Нет! — вскрикнула Лея. — Ты лжешь!

Незнакомец улыбнулся, его голос эхом отразился от стен.

— Теперь уже неважно, во что ты веришь. Арка открылась полностью. И теперь ты становишься частью нашего мира.

Темная энергия окутала Лею, лишая ее возможности двигаться. Незнакомец протянул руку, и его пальцы коснулись ее плеча.

В этот момент Лея почувствовала, как что-то теплое и светлое вспыхнуло внутри нее. Память о словах призрака, о его последней просьбе.

— Я не сдамся, — прошептала она. — Я найду способ все исправить.

И в тот же миг мир вокруг нее начал меняться, погружаясь во тьму.

Глава 2

В ту эпоху, когда мир Веридии только зарождался, небо было иным. Фиолетовый свет заливал все вокруг, словно кровь древних богов, проступившая сквозь ткань реальности. Этот свет, холодный и древний, не грел и не морозил, а лишь шептал о судьбах, сплетая их в причудливый узор.

Первым в мир явился Хранитель — существо, чье происхождение было окутано тайной. Он возник из самой сущности мироздания, когда временные потоки начали обретать форму. Его тело было соткано из чистой энергии, способной принимать любые формы. Однако чаще всего он появлялся в облике величественного существа с глазами, подобными безднам вечности.

Создатели явились следом, их золотые одеяния сияли подобно звездам. Они двигались неторопливо, с достоинством, присущим творцам.

— Равновесие должно быть сохранено, — изрек старший из них, и пространство дрогнуло от мощи его слов.

Разрушители появились последними. Их фигуры выросли из самой тьмы. Они несли в себе семена перемен. Их присутствие ощущалось как неизбежность. Их сила была направлена на трансформацию мира

Среди смертных первыми божеств узрели избранные. Те, кто обладал особой чувствительностью к магическим потокам. Они стали основателями первых святилищ в местах, где особенно сильно чувствовалось присутствие высших сил.

Магические потоки пронизывали мир, создавая сложную сеть энергетических линий. В точках их пересечения возникали особые зоны — места силы, где строились первые храмы. Природа откликалась на божественное присутствие. Леса достигали невероятных масштабов. Горные породы начинали испускать свет. А родники накапливали исцеляющую энергию.

Особую роль в формировании нового мира сыграли хранители знаний. Именно они нанесли на древние свитки ритуалы, пророчества и божественные откровения.

Их святилища находились в сокрытых местах, куда не проникал солнечный свет. Древние архивы хранили в себе многое: ритуалы общения с божествами и сведения о магических потоках; пророчества и откровения, а также записи о знамениях природы.

Последователи создавали ритуалы — особые действия, призванные установить связь с божествами. Они учились истолковывать знамения природы, улавливать шепот древних сил, использовать магию во благо.

Они чувствовали важность каждого слова, осознавали ответственность перед будущими поколениями.

В скрытых Гротах объединялись те, на кого была возложена высокая цель — сберечь опыт минувших эпох. Эти откровения не были открыты для всех. Их доверяли лишь тем, кто подтвердил свою абсолютную преданность призванию.

— Лишь тот, кто преодолел все невзгоды, вправе соприкоснуться с древними тайнами, — заметил главный страж, оценивающе глядя на группу неофитов.

День за днем они по крупицам восстанавливали старые легенды, трепетно защищали сакральные знаки и запечатлевали на скалах и свитках то, что не имело права кануть в Лету.

— Каждое изречение, каждый символ — это осколок мирового духа, — поучал наставник, плавно водя ладонью над ветхими свитками. — Мы — защитники этого духа.

В безмолвии пыльных архивов они изучали пожелтевшие листы, разгадывали таинственные коды. Считалось, что именно благодаря этим людям племени не забыли истоки своего рода.

— Мы — связующее звено между былой славой и грядущим, — молвил один из старейшин, устремив взор к каменным сводам. — В нашей власти — участь всего сущего.

Они выступали проводниками между эпохами, оберегая не только тексты, но и саму природу реальности. Именно поэтому к их мнению относились с глубоким трепетом. Ведь в их речах отражался опыт множества предков.

— Обладающий истиной управляет вселенной, — провозгласил седовласый мудрец, опираясь на свой шест. — Но подлинное могущество заключается в умении передавать эту истину.

В их власти была не просто совокупность сведений. Они держали ключи к разгадке тайн жизни. И каждый новый адепт, получивший доступ к архивам, клялся оберегать их до самого конца.

— Память — это путеводная нить сквозь века, — выдохнул юный послушник, касаясь обложки древнего тома. — И мы — те, кто не позволяет этой связи оборваться.

Так длилось из рода в род, столетие за столетием. И до тех пор, пока жили стражи знаний, мир мог быть спокоен. Его летопись, его сердце останутся целыми для потомков.

Магия давалась непросто. Каждый, кто стремился овладеть ею, был вынужден платить за это свою цену: временное истощение ослабляло внутренний резерв; утрата памяти могла затрагивать недавние события; эмоциональная нестабильность делала магов особенно восприимчивыми к чужим переживаниям; физическая боль сопровождала применение особенно сильных заклинаний.

Хранитель Времени наблюдал издалека. Его взгляд охватывал все — от рождения звезд до падения империй. Он видел, как люди учатся, отмечал их ошибки, следил за успехами. Наконец появились те, кто сумеет сохранить знания для будущих поколений.

— Они готовы, — подумал он, наблюдая за тем, как хранители возводят первые библиотеки.

Фиолетовый свет луны становился то ярче, то тусклее, словно отражая колебания сил в мире. Магические потоки искрились, создавая новые узоры судьбы. А божества все чаще спускались в мир смертных, чтобы направить его развитие в нужное русло.

И только немногие знали — это лишь затишье перед великой бурей, которая изменит судьбу всего мироздания.

Божественная сущность Хранителя Времени проявлялась в каждом его движении. С каждым его шагом почва под стопами вибрировала от мощных всплесков силы. С каждым его словом речь проникала сквозь все пласты временных потоков. Лишь одного взора хватало, чтобы заставить мгновение замереть или двигаться назад. Пряди волос титана напоминали переплетения сияющих лучей. А венчающая голову корона из временных спиралей подтверждала его абсолютную власть над мирозданием.

И все же даже перед этим воплощением абсолютной мощи пространство не могло оставаться статичным. Воздух вокруг Хранителя Времени становился плотнее, вибрируя едва уловимым гулом, будто сама Вселенная, затаив дыхание, ждала его вердикта.

Стоило ему замереть, как нити судьбы начинали свой танец, подчиняясь неоспоримому велению его воли. В его тени время теряло свои рубежи, превращаясь в бесконечный, неразрывный поток. Хранитель воздел руку, и над ладонью расцвел ореол золотых символов, вращающихся в безмолвном триумфе. В их ледяном сиянии отразились все эпохи — и те, что канули в Лету, и те, что лишь ждали своего часа. Стало очевидно: перед этим существом склонилось все, даже само время, покоровшись своему единственному владыке.

Круг над его ладонью замер. На краткий миг мир завис между вдохом и тишиной. Затем знаки вспыхнули, и в ткани реальности пролегла тонкая, как лезвие рассвета, трещина. Из нее повеяло холодом столь древним, что даже звезды должны были вспомнить свои первые имена и умолкнуть.

Хранитель не шелохнулся. Его взгляд, тяжелый и бездонный, пробивал барьеры реальности. Перед его взором предстали все миры: от тех, что лишь грезились в тишине грядущего,

до тех, что давно обратились в прах. Он видел оборванные нити судеб и те, что только начинали свой путь. В нем не осталось сомнений — лишь ледяная ясность силы, которая не ищет ответов, а сама диктует законы бытия.

Пространство дрогнуло, словно гигантская арфа под незримой рукой. Из глубины разлома донесся зов — не звук, а эхо голоса, запертого в самом основании мироздания. Хранитель медленно опустил ладонь, позволяя времени течь дальше. Но теперь оно двигалось иначе: настороженно и послушно, зная, что отныне каждое мгновение принадлежит не себе, а той воле, что одна имеет право повелевать вечностью.

Но не все в этом мире было создано для созидания. Пожиратель Миров таился в тени величия Хранителя. Его сущность прорастала сквозь трещины реальности. Он ожидал момента, когда сможет проявить свою истинную природу. Пожиратель олицетворял все то, чему противостоял Хранитель Времени: хаос, разрушение и неутолимую жажду поглощения.

Пожиратель был соткан из сгустков первозданной тьмы, переплетенных с осколками разрушенных миров. Его кожу можно было сравнить с застывшей лавой из мрака и теней, меняющей свои очертания. На ней проступали следы бесчисленных поглощенных существ — искаженные лица, руки, крылья; все это казалось навеки застывшим в бесконечном движении.

Глаза Пожирателя — две бездонные пустоты, лишённые зрачков и радужки. В этой бесконечной тьме, пронзающей саму душу, эхом отдавались крики существ, поглощенных им за долгие эпохи.

Его голос звучал как симфония отчаяния, сотканная из предсмертных воплей жертв. Каждое слово крошило реальность, а смех заставлял время застыть в ледяном оцепенении.

Руки его завершались когтями из чистой тьмы, способными рассекать пространство. Он двигался с пугающей грацией, словно сама тьма была его верным рабом.

Вокруг него вращались осколки разрушенных миров, создавая ауру теней и мрака. Временами эти осколки озарялись вспышками, открывая взору сцены былого величия, ныне обращенного в прах под его властью.

Сила Пожирателя росла с каждой новой жертвой. Он питался не только физической сущностью поглощенных миров, но и их эмоциями: страхом, отчаянием, болью.

В его присутствии пространство искажалось. Он был способен в одно мгновение уничтожить целые цивилизации.

Пожиратель был настолько противоестественным, что его присутствие вызывало чувство первобытного ужаса. Даже молодые боги, впервые столкнувшиеся с ним, испытывали страх. Перед ними предстало воплощение того, что они стремились предотвратить — конца всего существующего.

И все же Пожиратель не был просто разрушителем. В его природе была заложена способность к трансформации. Он был способен не только разрушать, но и создавать новые формы, основанные на боли и страдании. Каждая его жертва становилась частью его сущности, добавляя новые грани к его могуществу.

В этом и состояла его главная опасность. Он не просто разрушал — он заново выстраивал реальность по своему образцу, превращая все вокруг в отражение своей мрачной сущности.

Когда тени начали сгущаться у границ мироздания, Хранитель Времени ощутил тревожное колебание в самом сердце вечности. Нити эпох, прежде прочные и незыблемые, едва заметно задрожали, словно предчувствуя приближение неминуемой катастрофы. В глубинах безмолвия возникло эхо, не похожее ни на один из знакомых ему голосов. И это эхо несло в себе древнее предупреждение.

Пожиратель Миров медленно пробуждался, и с каждым мгновением его присутствие становилось все ощутимее. Пространство вокруг него теряло форму, распадалось на осколки, а сама реальность начинала уступать давлению его воли. Хранитель знал: если эта сущность

вырвется за пределы своего заточения, равновесие будет нарушено безвозвратно. Тогда время перестанет быть дорогой и обратится в руины. Не останется ничего, кроме бездны и молчаливого следа его разрушительной силы.

Параллельно с развитием светлой магии возникла и ее темная противоположность. Пожиратель Миров начал распространять свое влияние, искажая знания и развращая сознание избранных. Появились первые хранители тьмы, служители искаженной истины, носители запретных знаний.

Пожиратель воспринимал хранителей знаний как угрозу. Он направлял своих слуг, чтобы исказить их понимание и вынудить их обращать знания во зло.

— Эти знания должны принадлежать только мне, — прошипел он во тьме, следя за каждым движением хранителей.

Каждый хранитель совершал свой выбор. Путь света или путь тьмы — дорога оставалась одной, но развилки возникали на каждом шагу.

— Кто ты? — вопрошал Хранитель Времени каждого, кто приходил за знанием.

— Зачем тебе эти силы? — требовал он ответа.

Пожиратель нашептывал своим избранникам:

— Возьми больше. Стань сильнее. Никто не узнает.

Те, кто избрал свет, получали древние артефакты, обретали особые способности, способные оберегать знания от искажений. Им открывались особые способности — видеть истину, распознавать ложь и защищать записи от посторонних глаз.

Те же, кто поддался тьме, теряли души. Их знания становились отравляющими, а мудрость — проклятием для окружающих.

— Зачем нам делиться знаниями? — спросил молодой хранитель своего наставника.

— Потому что знания — это свет, — ответил мудрец, его голос звучал твердо и ясно. — Они должны освещать путь каждому, кто стремится к истине.

В это же время другой хранитель произносил:

— Эти знания должны принадлежать только мне. Я заслуживаю большего.

— Ты избрал свой путь, — произнес голос тьмы. — И я дарю тебе силу.

Магия струилась по стенам древних храмов, сверкала в каплях росы, звучала в каждом порыве ветра. Природа откликалась на призыв хранителей, а боги взирали с небес.

Но вместе с тем крепла и тьма. Она проникала сквозь трещины реальности, возводила собственные храмы, извращала древние знания. И хранителям предстояло решить, станут ли они защитниками света или предадут собственные идеалы.

Хранитель Времени ощущал, как силы Пожирателя растут, как тьма начинает противостоять свету. Он понимал, что грядут тяжелые времена, но был готов защищать созданный мир до последнего вздоха.

Однако, чем сильнее сгущалась тьма, тем яснее Хранитель Времени осознавал: эта битва не будет похожа на прежние. Пожиратель уже не ограничивался разрушением — он стремился исказить саму ткань бытия, лишить мир памяти, порядка и смысла. В ответ Хранитель поднял древний посох, и вокруг него дрогнули потоки времени, сплетаясь в сияющий круг защиты. В этот миг он понял, что один не сможет удержать надвигающийся мрак, если в сердцах живых угаснет надежда. И потому, собрав остаток сил, он направил свой зов через века, призывая тех, кто был готов встать рядом и сражаться за будущее мира.

Глава 3

За 1,5 года до событий.

Лея родилась в небольшой горной деревушке у Хребта Южных гор на окраине Веридии. Ей было всего 14 лет, когда она впервые обнаружила в себе дар. Проявилась способность чувствовать магические потоки.

Юная Лея казалась воплощением самой природы. Ее темные волосы были уложены в тугую, аккуратную косу. В зеленых глазах читалась мудрость, не свойственная ее годам. Несмотря на хрупкое телосложение и невысокий рост, в ее облике чувствовалась внутренняя сила. Кожа, тронутая ровным загаром, — след долгих прогулок на свежем воздухе.

Она двигалась с той спокойной уверенностью, которая обычно приходит не с возрастом, а с опытом. В ее жестах не было суеты, а в поступки — ни малейшей скованности; казалось, сама земля под ее ногами становилась тише и внимательнее. Лея редко говорила без необходимости, предпочитая слушать и замечать то, что ускользало от других: перемену в ветре, едва слышный шелест листвы, тревожную паузу в чужом голосе.

В ее молчании было нечто притягательное. Оно не отталкивало, а, напротив, располагало к доверию, словно рядом с ней становилось безопаснее. И пусть внешне Лея выглядела совсем юной, в ее взгляде таилась глубина, в которой угадывались терпение, наблюдательность и редкая внутренняя собранность. Именно это сочетание хрупкости и силы делало ее образ по-настоящему незабываемым.

В один из дней, собирая травы в лесу, девушка услышала странный шепот. Это был не голос, а скорее дыхание самой природы. Она увидела, как магические потоки струятся между деревьями и как светятся древние руны на камнях.

Девушка остановилась, вслушиваясь в едва различимый шорох. Она почувствовала, что лес наблюдает за ней. Шепот становился отчетливее, будто кто-то звал ее по имени, побуждая идти глубже, туда, где между корнями вековых деревьев скрывался старый круг из камней. Подойдя ближе, она заметила, что руны на поверхности мерцают мягким золотистым светом, а воздух вокруг наполняется тихой, почти осязаемой силой. В тот миг она поняла, что случайно оказалась у границы древнего знания, о существовании которого прежде лишь слышала в легендах.

— Кто здесь? — прошептал тихий голос из глубины леса, заставляя ее обернуться.

— Я... я не знаю, — ответила девушка, прижимая руку к бешено бьющемуся сердцу.

Внезапно камни засветились ярче, и в их мерцании проявились древние символы, начавшие медленно вращаться.

— Древние силы пробуждаются, — прозвучал голос теперь уже отчетливо, исходя словно отовсюду и ниоткуда одновременно.

Девушка опустилась на колени перед камнями, протягивая к ним дрожащую руку.

— Кто ты? — повторил голос, приближаясь.

— Я... я просто путница, — ответила она, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Медленно из-за деревьев вышел старец в длинном одеянии, несущий в руках древний посох. Его глаза светились тем же золотистым светом, что и камни.

— Ты ближе к истине, чем думаешь, — произнес он, останавливаясь в шаге от нее. — Древние силы избрали тебя.

Девушка подняла взгляд на старца, чувствуя, как внутри разгорается странное тепло.

— Что мне делать? — спросила она, вглядываясь в его мудрое лицо.

— Следуй за зовом, — ответил старец, протягивая ей руку. — Время пришло.

Приняв его руку, девушка почувствовала, как сила проникает в ее тело, наполняя новой энергией. Камни за ее спиной вспыхнули ярче, освещая путь в глубины древнего знания.

— Помни, — промолвил старец, отступая назад, — сила без мудрости — ничто.

Его фигура начала растворяться в воздухе, оставляя девушку одну перед сияющим кругом камней, готовую принять свою судьбу.

Старейшины деревни собрались на совет, когда заметили необычные изменения в ауре юной Леи. Они обратили внимание на то, что после ее возвращения из леса воздух вокруг девочки стал искриться едва заметными золотистыми всполохами.

Старейшина Зоран, наклоняясь к другим старейшинам и прикладывая руку к подбородку, прошептал:

— Видите это сияние? Оно появилось после ее возвращения из леса.

Старейшина Селеста, пристально наблюдая за Леей, которая играла неподалеку, кивнула:

— Да, я чувствую потоки силы. Они стали более явными.

Вечером старейшины решили поговорить с родителями девочки.

Мать Леи, Аврила, встревоженно разглядывая гостей и сжимая край стола, спросила:

— Что-то случилось? Почему вы спрашиваете о моей дочери?

Старейшина Зоран, мягко наклоняясь вперед, ответил:

— Мы заметили в ней необычный дар. Расскажи, не поведала ли она вам о своем походе в лес?

Сторин, отец Леи, гордо выпрямившись, выпалил:

— Она говорила о каком-то круге камней и древнем голосе.

Селеста, внимательно вслушиваясь в разговор, спросила:

— А что именно она рассказывала?

Аврила, колеблясь и сжимая руки, ответила:

— Она говорила о светящихся рунах и старце в длинном одеянии...

В этот момент аура Леи вспыхнула ярче обычного, привлекая всеобщее внимание.

Старейшина Зоран, восхищенно разводя руками и поднимаясь со своего места, воскликнул:

— Видите? Это не просто детские фантазии. Ее сила растет.

На следующее утро старейшины решили провести ритуал проверки дара.

Селеста, возложив руки на голову девочки и закрыв глаза, мягко произнесла:

— Покажи нам свою силу, дитя.

Лея, закрыв глаза и протягивая руки к небу, сосредоточилась, и ее аура начала пульсировать в такт биению сердца.

Зоран, пораженно разглядывая результат и отступая на шаг, сказал:

— Это древняя магия! Такая сила не появлялась в наших краях много поколений.

Селеста, обращаясь к родителям и наклоняясь к ним, произнесла:

— Мы должны обучить ее. Ее дар слишком велик, чтобы оставлять его без присмотра.

Аврила, с тревогой сжимая руки и качая головой, возразила:

— Но она всего лишь ребенок!

Старейшина Зоран, уверенно взмахнув рукой и выпрямляясь во весь рост, ответил:

— Именно поэтому мы должны начать обучение как можно скорее. Ее сила может стать как благословением, так и проклятием.

Старейшина Селеста, наставляя и показывая рукой на небо, произнесла:

— Твоя сила — это дар, но с ним приходит и ответственность. Ты должна научиться использовать ее во благо.

Лея, с восхищением наблюдая за демонстрацией магии и раскрывая глаза от удивления, ответила:

— Я готова учиться. Я хочу помочь нашему народу.

Старейшина Зоран, улыбаясь и кланяясь девочке, сказал:

— Мы верим в тебя, дитя. Твоя судьба только начинается.

Старейшина Селеста, гордо поднимая голову и оглядывая всех присутствующих, произнесла:

— Она превзойдет все наши ожидания. Ее дар — это знак того, что древние силы все еще хранят наш народ.

Собрав нехитрые пожитки, Лея отправилась в путь.

Дорога к Храму Хранителей пролежала через густой лес и реку Равновесия. Лея шла осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, но страх быстро уступал место любопытству. Чем дальше она уходила от деревни, тем яснее чувствовала: воздух вокруг отзывался на ее настроение. Становился теплее, когда она улыбалась, и тише, когда она тревожилась.

К вечеру третьего дня пути между деревьями показались высокие каменные стены, покрытые мхом и светящимися рунами. Так она увидела Храм Хранителей. Его ворота были распахнуты, будто ждали именно ее. На пороге стоял старец. Он был высок и строен, с седыми волосами и пронизательными голубыми глазами. Его одеяния были простого кроя, но украшены древними символами. Старший Хранитель Илар посмотрел на девочку внимательно, будто знал о ней гораздо больше, чем могло показаться.

— Значит, это ты, — тихо произнес он. — Тот дар, который проснулся в тебе, встречается редко. Но дар — это не только сила. Это еще и ответственность.

Лея сжала ремешок дорожной сумки и кивнула. В груди у нее смешались волнение и надежда.

Старец сделал шаг в сторону, пропуская ее внутрь.

— Если ты готова, Лея, Храм покажет тебе путь. Но сначала тебе придется научиться слушать не только себя, но и то, что скрыто в тишине.

И, переступив порог, девочка даже не подозревала, что эта ночь станет началом судьбы, о которой еще не рассказывала ни одна легенда.

Илар сразу разглядел в молодой девушке скрытую силу. Его спокойный голос и пронизательный взгляд мгновенно располагали к себе, внушая невольное доверие. Он повел ее через главный двор, где в лучах солнца переливался фонтан из синего камня, благоухали сады с диковинными магическими растениями. А в небо устремлялись высокие башни, предназначенные для медитаций и обучения искусству магии.

Величественное здание из синего камня подавляло своими масштабами. Высокие шпили пронзали облака, а из узких окон струился мягкий, теплый свет. Внутри храм открывался во всем своем великолепии. Здесь располагались древние фрески, священный фонтан, магические сады с диковинными растениями и устремленные ввысь учебные башни для послушниц.

Настоятельница Иара встретила юную Лею в главном зале. Золотистые волосы аббатисы, уложенные в сложную, искусную прическу, ниспадали почти до самого пояса. На голове мерцал серебряный обруч. А в руках она сжимала жезл, источавший мягкое голубоватое сияние.

Ее облачение было достойно богини: поверх глубокой синей туники струилось тончайшее белое шелковое платье, подпоясанное лентой, усыпанной мелкими кристаллами. Плечи настоятельницы укрывала мантия, расшитая защитными символами. Каждое движение настоятельницы отличалось грацией и осознанностью. В ее размеренной походке ощущались врожденная сила и достоинство.

Голос настоятельницы, глубокий и мелодичный, завораживал. В нем ощущалась многогранная натура. Спокойная манера речи внушала безусловное доверие, однако при возникновении опасности в интонациях проявлялась стальная решимость. Она умела быть мягкой с послушницами, однако, отдавая приказы, наполняла слова властными нотами, не терпящими возражений.

Когда Иара обратилась к Лее, девочка кожей ощутила исходящую от нее силу. В пронзительном взгляде настоятельницы сквозила вековая мудрость. В голосе — искренняя забота, а в безупречной осанке — та пугающая строгость, которая заставляла выпрямить спину даже самого непокорного.

— Добро пожаловать, дитя, — произнесла Иара. Ее голос, мягкий, но властный, эхом отозвался под сводами зала.

— Я вижу в тебе великий потенциал. Отныне ты будешь обучаться под моим началом.

Следуя за настоятельницей, девушка не могла оторвать взгляд от величественных залов храма. Высокие своды, украшенные древними рунами, казались бесконечными. Мягкий свет, исходящий от магических кристаллов, создавал причудливые тени на стенах из синего камня.

Иара двигалась плавно, словно скользя над мраморным полом. Ее мантия шелестела при каждом шаге, а обруч мерцал в такт ее движениям.

Лея замерла, не в силах отвести взгляд от величия храма. Грандиозные лестницы устремились ввысь, соединяя уровни святилища. Стены украшали древние фрески, безмолвно повествующие о забытых временах. В воздухе разливалась прохлада от магических фонтанов, чья вода казалась кристально чистой. А высокие окна пропускали потоки света, рисующие на полу причудливые танцующие узоры.

Проходя через главный зал, Лея с любопытством отмечала детали. За стеклянными витринами покоились древние артефакты. Вдоль стен тянулись уходящие в потолок книжные стеллажи. Чуть поодаль виднелись тренировочные площадки для послушниц и тихие сады, где среди редких растений царила атмосфера уединения.

Поднявшись по величественной лестнице к жилым покоям, она не переставала удивляться. Коридоры здесь освещались мягким сиянием магических кристаллов. Двери были массивными, с защитными рунами, а с балконов, утопающих в зелени, открывался захватывающий дух вид на горные вершины.

Когда они наконец достигли комнаты Леи, настоятельница остановилась. Восточная башня оказалась именно такой, как ее описывали в легендах. Просторная кровать с мягким покрывалом так и манила прилечь. Идеально чистый рабочий стол ждал начала трудов. А пустые книжные полки уже предвкушали встречу с новыми свитками.

Лея медленно провела взглядом по келье. Она впервые видела такое уютное и вместе с тем строгое помещение. Комната занимала скромную часть в восточной башне. Внутри царил аскетичный уют: просторная кровать, укрытая мягким покрывалом, соседствовала с рабочим столом из светлого дерева. Вдоль стен тянулись полки, заставленные древними свитками. У окна, откуда открывался впечатляющий вид на горные вершины, располагался скромный алтарь для медитаций.

— Здесь ты будешь учиться, — сказала Иара, подходя к письменному столу. — Здесь ты будешь читать, молчать, думать и слушать. Дар — это не только сила. Это ответственность.

Иара, заметив восхищение Леи, мягко улыбнулась:

— Этот храм станет твоим вторым домом.

Она коснулась пальцами одного из свитков, и тонкая полоса света скользнула по древней печати.

— Что за дар у меня? — тихо спросила ученица, не решаясь нарушить тишину.

Настоятельница чуть склонила голову.

— Пока слишком рано давать ему имя. Но я чувствую его ясно. Он силен, и если его не направить, он может разорвать тебя изнутри.

За окном ветер шевелил занавески, принося с гор холодный, прозрачный воздух. Где-то далеко звонил колокол монастыря, и звук этот отзывался в каменных стенах мягким эхом.

— Подойди, — велела она.

У алтаря для медитаций уже горела тонкая ароматическая свеча. Наставница опустилась на колени перед низким каменным столиком и жестом указала на место напротив.

— Садись. Начнем с простого. Закрой глаза и дыши ровно. Не пытайся ничего увидеть. Не пытайся ничего добиться. Просто слушай себя.

Ученица послушно села, ощущая прохладу каменного пола под ногами. Внутри все еще дрожало от волнения, но в голосе Иары было нечто такое, что не позволяло спорить.

— Что я должна услышать? — спросила Лея после короткой паузы.

— То, что обычно заглушает шум мира, — ответила женщина. — Твою истинную тишину.

Она произнесла несколько слов на старом языке, и воздух в комнате будто стал плотнее. Пламя свечи дрогнуло, затем выровнялось. Келья наполнилась едва заметным, почти неуловимым мерцанием, словно сама башня прислушивалась к началу урока.

Перед уходом настоятельница добавила:

— Завтра начнется твое обучение. Ты быстро освоишься, дитя.

Оставшись одна, Лея еще долго стояла у окна, любуясь видом и осознавая, что ее жизнь навсегда изменилась.

Глава 4

Первые лучи солнца едва коснулись горизонта, когда Лея почувствовала легкое прикосновение к плечу. Открыв глаза, она увидела настоятельницу, стоявшую у ее кровати.

— Доброе утро, дитя, — промолвила Иара мягко, но с твердостью в интонации. — Наступает новый день, и нам предстоит решить немало задач..

Послушница стремительно поднялась на ноги, ощущая легкий трепет в груди. Наставница внимательно следила за ее движениями, ободряюще кивая.

Сразу после завершения утренних молитв и медитации настоятельница повела девушку в сторону трапезной.

Они неспешно шли по лабиринту извилистых монастырских коридоров. Стены украшали загадочные древние руны. Лея с неподдельным интересом изучала все детали обстановки, стараясь запомнить каждый поворот пути.

Пространство трапезной поразило ее своей вместительностью, хотя и уступало по масштабам величественному главному залу. Тяжелые сводчатые потолки покоились на мощных колоннах. На поверхности стен оживали красочные фрески, повествующие о старинных ритуалах. Вдоль стен аккуратно выстроились длинные ряды светлых деревянных столов, а в центре помещения пылал большой согревающий очаг.

В трапезной царила особая магия. Мягкий свет факелов окутывал зал, в котором приглушенный гул голосов переплетался с дурманящим ароматом свежей выпечки. А где-то в глубине, из невидимых источников, струились древние, едва уловимые мелодии, наполняя пространство покоем.

Когда они вошли, Иара остановилась у главного входа и произнесла торжественную речь:

— Сестры и братья, позвольте представить вам новую послушницу — Лею. Добро пожаловать в нашу семью.

Ее слова эхом отразились от стен, и все присутствующие повернули головы в сторону новенькой.

В тот момент, когда настоятельница представляла собравшимся новенькую, Эрион продолжал оживленную беседу с группой старших воспитанников. Его размеренный и уверенный голос легко завладевал вниманием всех присутствующих.

Он увлеченно рассказывал о древнем обряде, сопровождая рассказ выразительными жестами и детальными пояснениями. Его сапфировые глаза искрились неподдельным увлечением. Темные пряди волос едва заметно колыхались в такт его движениям.

Как только наставница отчетливо назвала имя Леи, молодой страж неожиданно умолк на полуслове. Его пронизывающий взгляд мгновенно обратился к девушке. Их глаза встретились всего лишь на одно краткое мгновение. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы в груди Леи разлилось необычное тепло.

Эрион быстро вернулся к беседе с товарищами, словно ничего не произошло. Его лицо по-прежнему оставалось невозмутимым. Однако Лея заметила, как едва заметно дрогнули уголки его губ, обозначив легкую улыбку.

Его собеседники продолжали оживленно о чем-то спорить, не придавая значения этому короткому эпизоду. Лишь Лея запомнила этот взгляд — внимательный, изучающий, но при этом теплый.

Когда трапеза завершилась, Эрион, как и полагалось старшему ученику, первым поднялся из-за стола. Его движения были плавными и уверенными, невольно привлекая внимание всех присутствующих.

Ее глаза неотрывно следили за ним, пока он не растворился в тени коридора, ведущего к учебным залам. В тот момент она не подозревала, насколько важной фигурой в ее жизни станет этот молодой послушник.

После завтрака Иара отвела послушницу в учебный зал, где началась ее настоящая подготовка к жизни в Храме. Но мысли девушки то и дело возвращались к тому юноше с сапфировыми глазами.

Жизнь в Храме протекала по строгому распорядку, отточенному временем. День начинался с первыми лучами солнца и продолжался утренними молитвами и медитациями. Значительная часть времени отводилась учебе. Наставники обучали Лею искусству магии и тонкостям управления потоками энергии. После обеда следовали изнурительные вечерние тренировки. И лишь поздним вечером, когда Храм погружался в тишину, у девушки оставалось немного времени для чтения древних свитков.

Однако именно в эти редкие часы Лея чувствовала, как между строками начинает проступать нечто большее, чем просто знания. Знаки, которые прежде казались ей случайными, складывались в узор. И чем внимательнее она всматривалась в выцветшие письма, тем яснее понимала: Храм хранил не только мудрость, но и тайну, о которой не говорили вслух.

Однажды ночью, перебирая манускрипты в дальнем архиве, она наткнулась на тонкий невзрачный пергамент, спрятанный между молитвенными текстами. На нем был изображен символ, который Лея уже видела во сне — круг, рассеченный двумя линиями света. Девушка замерла, не решаясь вдохнуть. За спиной, в тишине архивного зала, вдруг послышался мягкий шорох шагов. Она быстро спрятала свиток, но было уже поздно. В проходе стоял один из старших наставников, и по его взгляду девушка поняла: он видел достаточно, чтобы задать вопросы.

Ее сердце билось так громко, что, казалось, этот стук мог разбудить даже спящие манускрипты.

В проеме между рядами полок появился наставник Каэлус. Его присутствие всегда действовало на послушниц успокаивающе — высокий, статный мужчина с благородными чертами лица и проницательным взглядом.

Внешность наставника была обманчиво располагающей. Седина на висках лишь подчеркивала его мудрость, а в пронзительно-серых глазах, светилась искренняя доброта. Он двигался плавно, с той особой благородной осанкой, что выдает человека, привыкшего к дисциплине. Его строгая темно-синяя мантия, украшенная серебряными застёжками, дополняла образ безупречного спокойствия.

Голос наставника обволакивал, словно мягкое шелковое покрывало. Спокойная манера общения изначально располагала к доверию, но стоило ему перейти к наставлениям, как в речи проступали непреклонные, стальные нотки. Впрочем, при общении с учениками этот голос неизменно обретал теплые, почти отеческие оттенки.

Каэлус медленно приближался, и его тень удлинялась на каменных плитах пола.

— Юная леди, — произнес он с легкой улыбкой, — что привело вас в архив в столь поздний час?

Его взгляд скользнул по ее рукам, все еще сжимающим найденный пергамент. В его глазах промелькнуло что-то хищное, но Лея не успела это осознать — маска доброго наставника мгновенно вернулась на место.

— Я... я просто изучала древние тексты, — пролепетала она, пытаясь скрыть свиток за спиной.

Каэлус сделал еще шаг вперед, и его тень накрыла девушку.

— О, это похвально, — произнес он, но в его голосе появились стальные нотки. — А что это за символ вы нашли? Я вижу, он вас заинтересовал.

Его глаза блеснули недобрым огнем, но Лея увидела лишь участливое выражение лица. — Ничего особенного, просто древний знак, — пробормотала она, отступая к стене.

Наставник сделал вид, что верит ей, но на губах проступила едва заметная ухмылка. Он понял — девушка нашла нечто важное, и это может стать ключом к его планам.

— Что ж, не буду мешать вашим исследованиям, — произнес он, отступая. — Но помните, Лея, знания должны использоваться во благо.

Его фигура растворилась в полумраке архива, но Лея чувствовала — наставник будет наблюдать за каждым ее шагом.

Никто не подозревал, что за маской доброго наставника скрывается предатель, готовящий заговор против Хранителя Времени. Его двойная игра была настолько искусной, что даже самые внимательные не замечали признаков его истинной природы.

Каэлус продолжал наблюдать за Леей, мысленно отмечая каждую ее реакцию. Он уже тогда понял, что эта юная послушница может стать ключом к осуществлению его планов.

Следующие дни после ночной встречи в архиве стали для Леи испытанием. Она постоянно чувствовала на себе пристальный взгляд Каэлуса.

На занятиях он словно тень следовал за ней, ловил каждое слово, каждую фразу. Его внимание становилось все более навязчивым. Лея старалась всячески избегать его. После занятий она пряталась в дальних уголках библиотеки или задерживалась в тренировочном зале после спаррингов.

Однажды перед обедом, направляясь в трапезную, Лея заметила, что Каэлус следует за ней на почтительном расстоянии. Ее сердце забилося от страха. Она ускорила шаг, но тут услышала знакомый голос:

— Лея, что-то случилось? Ты выглядишь взволнованной.

Это был Эрион. Его появление стало ответом на ее безмолвную молитву. Увидев панику в глазах девушки, он сразу все понял.

— Пойдем, я провожу тебя, — мягко сказал он, беря ее под локоть.

Лея благодарно кивнула, ощущая, как напряжение постепенно покидает ее тело. Они шли по коридорам храма, а Эрион непринужденно рассказывал о сегодняшнем уроке, отвлекая ее от тревожных мыслей.

— Знаешь, — сказал он, — я заметил, что в последнее время ты часто уходишь в себя. Что-то беспокоит тебя?

Лея колебалась. Она хотела поделиться своими страхами, но что-то ее удерживало.

— Просто много всего происходит, — уклончиво ответила она.

Эрион понимающе кивнул. Они подошли к дверям трапезной, и он, улыбнувшись, сказал:

— Если тебе понадобится помощь или совет, знай, что ты всегда можешь обратиться ко мне.

В этот момент Лея ощутила, как ее сердце наполняется теплом. Она знала, что может доверять Эриону, и это знание придавало ей сил.

Когда они вошли в трапезную, Каэлус уже сидел за своим столом, внимательно наблюдая за ними. Его взгляд был холоден и расчетлив, однако Лея, ощущая поддержку Эриона, сумела скрыть свое беспокойство.

Эрион родился в семье потомственных магов Королевства Сумеречных Лесов в Морн-холде. Его отец был известным исследователем магических потоков, а мать — целительницей. С детства мальчик проявлял необычайные способности к магии и острый ум.

В возрасте 12 лет Эрион обнаружил, что может видеть магические потоки невооруженным глазом. Это привлекло внимание Хранителей, и они отправили за ним специальную делегацию. Родители, понимая важность его дара, согласились на обучение сына в Храме.

Первые годы в Храме были непростыми. Эрион быстро освоил базовые техники, но его острый ум требовал большего. Он постоянно задавал вопросы, иногда даже дерзкие, что вызывало недовольство некоторых наставников.

Его таланты были столь же необычны, сколь и опасны. Он обладал редким даром экономно расходовать магию, сочетая это с молниеносным анализом любой угрозы. Юноша не просто следовал древним канонам, но и создавал собственные заклинания, неизменно поражая противников нестандартными и дерзкими решениями.

Наставники ценили его ум, но не всегда одобряли дерзость. Особенно сложными в самом начале обучения были отношения с Каэлусом, который видел в Эрионе конкурента.

Среди учеников молодой маг быстро стал лидером. Его умение объяснять сложные вещи простым языком привлекало к нему других послушников. Он создал небольшую группу единомышленников, с которыми проводил дополнительные тренировки.

Эрион — личность яркая и многогранная. Его острый ум и проницательность сочетаются с неумейной энергией и целеустремленностью. Он не боится идти против течения, смело отстаивая свою позицию.

Сегодня Эрион — опора обители. Его репутация среди учеников безупречна. Он пользуется уважением и доверием.

Именно эти качества делают его таким привлекательным в глазах девушек — сочетание силы, ума и заботы создают вокруг него особое очарование, перед которым трудно устоять.

Дни в Храме текли своим чередом, но каждая встреча с Эрионом становилась для Леи особенной. Он словно чувствовал, когда ей нужна поддержка, и всегда появлялся рядом.

В библиотеке они часто сталкивались у одних и тех же полок. Эрион делал вид, что ищет определенный свиток, а потом, заметив Лею, с улыбкой говорил:

— О, какая приятная встреча! Я как раз искал кого-то, кто поможет разобраться с этим древним текстом.

На тренировках Эрион часто оказывался в паре с Леей или рядом с ней. Его советы были бесценны, а поддержка придавала сил:

— Не торопись, — говорил он, помогая ей встать после неудачного заклинания. — У тебя отлично получается, просто нужно чуть больше практики.

После занятий Эрион часто предлагал прогуляться по саду:

— Там так красиво на закате, — говорил он, указывая на пурпурные отблески на стенах Храма. — Пойдешь со мной?

Во время таких прогулок они говорили обо всем на свете. Эрион рассказывал удивительные истории из своего прошлого, делился знаниями, а Лея чувствовала, как ее сердце начинает биться чаще рядом с ним.

В коридорах Храма юноша всегда придерживал для Леи дверь, помогал нести тяжелые книги, замечал каждую мелочь:

— Ты сегодня бледная, — беспокоился он. — Может, стоит отдохнуть?

Однажды, сидя в саду, Эрион неожиданно спросил:

— Лея, почему ты так часто смотришь на меня?

Девушка покраснела и опустила глаза:

— Я... я не знаю. Ты просто... особенный.

Эрион улыбнулся своей особенной улыбкой, от которой у Леи замирало сердце:

— Знаешь, ты тоже особенная. Твоя сила, твой характер... они притягивают меня.

Лея оберегала в себе это нарастающее чувство, боясь признаться даже самой себе. Она видела, как Эрион заботится о других учениках. Но ей казалось, что к ней он относится по-особенному.

В его глазах она замечала заботу и внимание, а в поступках — желание защитить. Постепенно Лея начала понимать, что ее чувства глубже, чем просто дружба. Она ловила себя на мысли, что с трепетом ждет каждой встречи с Эрионом, мечтает о его улыбке, жаждет его внимания.

А Эрион... Он по-прежнему заботился о ней. Помогал, поддерживал, однако никогда не говорил о своих чувствах открыто. Лея жила в сладком неведении, полагая, что их симпатия взаимна.

День за днем их дружба крепла, незаметно перерастая в нечто большее — по крайней мере, для Леи. Эрион же оставался для нее вечной загадкой — притягательной и недостижимой, которую она так хотела разгадать.

Глава 5

В Храме начали происходить странные вещи. Некоторые наставники стали пропадать на долгие часы, возвращаясь с загадочными улыбками и блеском в глазах. Тайное общество начало формироваться прямо под носом у Верховного Хранителя.

Однажды вечером Лея и Эрион возвращались из библиотеки, погруженные в разговор о древних текстах. Они свернули в малоизвестный коридор, когда услышали приглушенные голоса.

— Тихо, — прошептал Эрион, приложив палец к губам.

Они осторожно приблизились к приоткрытой двери и увидели группу наставников, собравшихся вокруг странного алтаря.

Каэлус был среди них. Он что-то шептал, его голос был полон энтузиазма:

— Братья! Сила близка! Древние знания наконец-то раскроют нам свои тайны!

Другие наставники кивали, их глаза горели фанатичным огнем. Они творили заклинания, которых Лея никогда не видела в учебниках.

Эрион нахмурился:

— Это не похоже на обычные занятия. Что-то здесь не так.

Лея, затаив дыхание, прошептала:

— Я видела похожий символ в том свитке... том, что нашла в архиве.

Когда собрание закончилось, они поспешили прочь. Эрион был озадачен:

— Может, это просто новый ритуал?

Но Лея знала больше:

— Нет, Эрион. Я видела этот символ. А свиток... предупреждал о том, как эти знания могут быть использованы злом.

Эрион посмотрел на нее с удивлением:

— Ты думаешь, они...

— Да, — тихо ответила Лея. — Они используют силу не так, как должны. И этот свиток... он мог попасть не в те руки.

С этого дня Лея стала еще более осторожной. Она понимала, что в Храме зреет заговор. А Эрион, хоть и не до конца верил в ее теории, решил разузнать самостоятельно, что происходит.

Однажды ночью Эрион слишком увлекся слежкой. Он настолько погрузился в наблюдение за группой наставников, что не заметил, как его собственное присутствие обнаружили.

Каэлус оказался проворнее. Он увидел тень Эриона, мелькнувшую в полумраке коридора. Наставник сделал вид, что ничего не заметил, но в его глазах промелькнуло удовлетворение.

На следующий день старший наставник вызвал Эриона к себе:

— Я знаю, что ты следишь за нами, — спокойно произнес он. — И я хочу предложить тебе присоединиться к нашему делу.

Эрион был ошеломлен. Он не ожидал, что его раскроют так быстро. В его голове крутились мысли:

«Как он узнал? Что теперь делать? Предать своих или довериться наставнику?»

Каэлус привел его в тайную комнату:

— Здесь мы храним истинные знания, — произнес он, открывая древний фолиант. — То, что ты видел раньше, — лишь верхушка айсберга.

Наставник искушал его:

— С нами ты станешь сильнее. Мы откроем тебе такие тайны, о которых другие могут только мечтать.

— И что же это за тайны? — тихо спросил он, хотя сердце уже билось быстрее.

Каэлус улыбнулся уголком губ, словно ждал именно этого вопроса.

— Тайны, которые меняют человека навсегда, — сказал он и провел пальцем по выцветшим строкам. — Имена, которые нельзя произносить вслух. Пути, что ведут сквозь тень. Знания, способные открыть двери туда, куда обычным смертным вход закрыт.

Пламя свечи дрогнуло, и на стенах замесались длинные, неровные тени. Воздух в комнате стал тяжелее, будто сама тишина прислушивалась к их разговору.

— Почему ты показываешь это мне? — настороженно спросил он.

Наставник закрыл фолиант не сразу, а лишь тогда, когда убедился, что ученик смотрит ему прямо в глаза.

— Потому что ты уже сделал первый шаг, — ответил Каэлус. — И теперь либо отступишь, либо узнаешь правду до конца.

Он отошел на полшага, и в каменной кладке за его спиной медленно проявился узкий проход, которого секунду назад там не было.

— Выбирай, — отрезал Каэлус. — Тот, кем ты был до сих пор, не сможет сделать и шага дальше.

И в тот миг ученик понял: самое опасное в этой комнате было не древнее знание, а то, с какой легкостью ему хотелось согласиться.

Он медленно перевел взгляд с лица наставника на темный проем за его спиной. Оттуда тянуло сыростью, холодом и чем-то еще — едва уловимым. Запах старой бумаги, пролежавшей столетия в запечатанном сундуке.

— Если я сделаю шаг, — тихо сказал он, — дороги назад не будет?

Каэлус не ответил сразу. Только поднял свечу выше, и пламя осветило его снизу, делая черты лица жестче, чем они были мгновение назад.

— Путь назад всегда существует, — наконец произнес он. — Но редко кто возвращается оттуда прежним.

Ученик стиснул пальцы, чувствуя, как сердце бьется где-то у самого горла. В памяти всплыло все, что он слышал прежде. Шепоты в коридорах монастыря, предупреждения старших, запретные двери в подземельях, которые никто не открывал при свете дня. Все это внезапно обрело смысл.

Он сделал вдох. Потом шагнул вперед.

Камень под ногой оказался не камнем, а чем-то иным — гладким, почти теплым, как живая кожа. Проход сомкнулся у него за спиной с глухим шорохом, и тьма впереди на миг показалась плотнее воздуха. Лишь спустя несколько секунд в глубине коридора зажглись слабые голубоватые огни, один за другим, будто его уже ждали.

— Не останавливайся, — донесся голос Каэлуса откуда-то позади, но искаженный, словно между ними уже лежали не метры, а миры.

Ученик пошел вперед, осторожно, почти не дыша. Стены были покрыты неизвестными символами — тонкими, вырезанными так искусно, что они казались не знаками, а шрамами на камне. Некоторые из них мерцали, когда он проходил мимо, и в этом мерцании ему чудилось движение: силуэты, глаза, голоса.

А затем он увидел дверь.

Она стояла в конце коридора — высокая, черная, без ручки и замочной скважины. В центре ее поверхности был врезан знак, от которого у него похолодели ладони: знак Пожирателя Миров.

— Каэлус... — позвал он, не оборачиваясь.

Ответа не последовало.

И тогда он понял, что это был уже не просто выбор.

Это было посвящение.

Он поднял руку и коснулся двери.

И в ту же секунду где-то глубоко под землей, в недрах древних стен, проснулось то, что слишком долго ждало своего имени.

Эрион менялся, и эти перемены были подобны медленному увяданию. Гордость в нем переродилась в ядовитое высокомерие, а благородная тяга к знаниям — в ненасытную жажду власти. Там, где раньше жила забота о близких, теперь царил холодный расчет, а дружелюбие сменилось непроницаемой отстраненностью.

Лея видела, как он ускользает. В его улыбке больше не было тепла, лишь выверенная маска, а в глазах поселился лед. С каждым днем в его речах все чаще звучали слова о силе и господстве, словно он примерял на себя корону, которая медленно душила в нем человека.

Воздействие Каэлуса достигло своего завершения:

— Теперь ты один из нас, — сказал он. — И ты поймешь, что мы действуем ради высшего блага.

Эрион, ослепленный обретенными знаниями и властью, согласился. Его путь от защитника к предателю был завершен. Он стал тем, кого некогда стремился разоблачить.

Во время урока по изучению символов Лея заметила, как преподаватель подробно остановилась на том самом знаке, что она видела в свитке. Ее взгляд непроизвольно метнулся к наставнику, выдавая ее знание.

Настоятельница Иара сразу заметила ее реакцию:

— Лея, ты знакома с этим символом?

Девушка замялась, не зная, как ответить. Преподаватель, видя ее замешательство, отпустила остальных учеников, попросив Лею задержаться.

После занятия Иара повела Лею к Старшему Хранителю Илару.

Его покои находились в самой высокой башне храма. Высокие сводчатые потолки создавали ощущение, будто кабинет парил в воздухе. Мягкий свет магических кристаллов, встроенных в стены, освещал пространство, не давая ни единой тени. Центральным элементом комнаты служил массивный деревянный стол, инкрустированный древними рунами. За ним, в глубоком кресле с высокой спинкой, восседал Илар.

По периметру кабинета выстроились книжные шкафы, заполненные фолиантами от пола до потолка. Каждая книга имела свой номер и место, а некоторые были защищены магическими печатями.

Илар проводил здесь почти все свое время. В тишине этих стен он погружался в изучение древних манускриптов, отслеживал пульсацию магических потоков и бережно хранил сокровенные тайны ордена. Здесь же, вдали от суеты, он наставлял избранных послушников, передавая им крупицы своих знаний.

Илар встретил их в своем кабинете, наполненном древними фолиантами:

— Я знаю, что ты нашла свиток. Это не было случайностью.

Его слова заставили Лею вздрогнуть.

— Этот знак и свиток были специально спрятаны от чужих глаз. То, что ты его нашла, говорит о твоей особой связи с древними знаниями.

Хранитель достал старинный ключ:

— Этот ключ открывает доступ к особому хранилищу, где находятся древние манускрипты, не предназначенные для общего пользования. Теперь эти знания доверены тебе.

Илар пояснил:

— В этих текстах содержатся ответы на многие вопросы, которые беспокоят Храм. Ты должна изучить их и быть готовой применить эти знания во благо.

Илар посвятил Лею в тонкости работы архивной защиты. Он подробно объяснил, каких мер предосторожности стоит придерживаться и какие протоколы безопасности соблюдать. И, что самое важное, как следует обращаться с древними текстами, чтобы не навлечь на себя беду.

Лея слушала внимательно, не перебивая. Чем больше Илар говорил, тем яснее становилось: архивная защита была не просто системой замков, печатей и паролей. Это был живой, почти капризный механизм, чувствительный к любому нарушению порядка. Одно неверное движение, одно неосторожное слово — и последствия могли оказаться куда серьезнее, чем испорченная страница или сработавшая сигнализация.

— Главное, — заключил Илар, понизив голос, — никогда не торопиться. Архив не любит суеты. И не любит тех, кто думает, будто знает лучше него.

Он показал ей узкий коридор за массивной дверью, где воздух был сухим и неподвижным, словно застывшим во времени. Полки уходили в полумрак, и на них рядами стояли свитки, фолианты и таблички, помеченные знаками, которые Лея еще не успела расшифровать. Некоторые символы были ей знакомы, другие — совершенно чужды и оттого особенно тревожны.

— Вот здесь находятся тексты, к которым доступ ограничен, — сказал Илар, останавливаясь у одной из секций. — Их можно изучать только в перчатках, при специальном освещении и исключительно по разрешению. Никаких самовольных копий, никаких попыток раскрыть свертки вне читального зала. И, разумеется, никаких комментариев вслух.

— Почему? — тихо спросила Лея.

Илар помолчал, словно решая, стоит ли отвечать прямо.

— Потому что некоторые записи реагируют не только на прикосновение, но и на намерение. Древние авторы были изобретательны. Одни оставляли ловушки для воров, другие — для любопытных. А третьи, — он коротко взглянул на нее, — для тех, кто слишком самоуверен.

Лея невольно передернула плечами.

— И что тогда происходит?

— По-разному. Иногда текст просто портится. Иногда исчезают отдельные строки. А иногда... лучше не проверять.

Он подошел к небольшой нише в стене и вынул оттуда тонкий металлический ключ с необычной насечкой.

— Это доступ к внутреннему хранилищу. Туда мы зайдем только один раз, и только если ты усвоишь все остальное. Там хранятся материалы, которые не должны попадать в руки неподготовленных людей.

Лея кивнула, чувствуя, как волнение постепенно вытесняет прежнюю усталость. В этой работе было нечто большее, чем просто порядок и учет. За внешней строгостью правил скрывалась тайна, к которой ей только предстояло прикоснуться.

— И еще одно, — добавил Илар уже у самой двери. — Если заметишь, что какой-то текст кажется тебе слишком знакомым или, наоборот, будто бы обращается именно к тебе, сразу сообщи мне. Не пытайся разбираться с этим в одиночку.

Лея посмотрела на него с недоумением.

— Думаете, такое возможно?

Илар задержал взгляд на темной глубине архива.

— В этих стенах, Лея, возможно гораздо больше, чем хотелось бы признавать.

Лея невольно понизила голос, словно сама тишина вокруг требовала осторожности.

— Вы говорите так, будто архив... отвечает.

Илар медленно прикрыл дверь, оставив за ней приглушенный свет коридора.

— Не архив, — произнес он после короткой паузы. — То, что в нем хранится.

Он шагнул ближе, и в его лице на мгновение проступила усталость, которую он прежде тщательно скрывал.

— Большинство записей здесь безопасны, если обращаться с ними правильно. Но есть и такие, что меняют смысл в зависимости от того, кто их читает. Именно поэтому я хочу, чтобы ты не оставалась с ними наедине.

Лея сжала пальцы, стараясь сохранить внешнее спокойствие.

— Вы уже сталкивались с этим?

Илар не сразу ответил. Его взгляд скользнул по высоким стеллажам, терявшимся в полумраке, словно он проверял, не подслушивает ли их сама тьма.

— Однажды, — сказал он наконец. — И этого оказалось достаточно, чтобы я стал осторожнее.

Он сделал шаг назад, словно намереваясь уйти, но затем добавил:

— Если услышишь в тексте что-то личное, не спеши верить ему. Иногда такие строки не сообщают правду. Они только находят слабое место.

Лея кивнула, хотя тревога, прозвучавшая в его словах, не дала ей окончательно успокоиться.

Когда Илар ушел, архив вновь погрузился в тяжелую, почти неподвижную тишину. Лея осталась одна среди бесконечных рядов книг и папок. Ей вдруг показалось, что один из томов на ближайшей полке стоит чуть иначе, чем остальные, будто его открывали совсем недавно.

Теперь юная хранительница проводила много времени в особом хранилище, изучая древние тексты.

Глава 6

Шли дни, молодые люди редко виделись, отдалялись друг от друга.

Тем временем Темные Хранители начали создавать собственные школы. В них они обучали своих последователей использовать магию через страх и принуждение, а не через гармонию и баланс.

— Истинная сила приходит через подчинение! — восклицали они, искажая древние знания.

Ученики быстро осознали горькую истину. Власть, рожденная страхом, ненасытна и требует все новых жертв. С каждым шагом в глубины запретных искусств их заклинания обретали пугающую мощь. Но свет в глазах тускнел, неумолимо превращая сердца в холодный камень.

Но Темные Хранители уже не собирались останавливаться. Их школы росли, словно мрачные башни. По землям все чаще начали ходить слухи о пропавших учениках, о деревнях, где воздух становился тяжелым и холодным, и о тенях, которые двигались сами по себе.

Хранитель Времени, некогда самый могущественный из всех, стал замечать, как его силы постепенно иссякают. Он видел, что темные силы усиливаются, а светлые ослабевают.

— Я должен сохранить баланс любой ценой! — решил он, не осознавая, что сам превращается в часть этой проблемы.

В ответ Хранитель Времен созвал высших Хранителей. Он знал, что открытая война лишь усилит тьму. Поэтому решил действовать иначе: вернуть людям знания о равновесии. Показать, что истинная магия рождается не из подчинения, а из доверия, воли и внутренней силы.

Но многие не спешили откликаться на его зов. Одни боялись темных школ, другие сомневались в самом Хранителе Времени, чья воля становилась все жестче с каждым днем.

Настоятель Илар лично отправил Лее приглашение явиться в Грот Безвременья. В послании говорилось о срочности и важности встречи.

В самом сердце древних гор, куда не добираются солнечные лучи, скрывается тайное место встреч Хранителей.

Потолки пещеры теряются в сумрачной выси, где плавают светящиеся сполохи древних заклинаний. Стены покрыты рунами, которые то вспыхивают призрачным светом, то гаснут, словно живые существа. Тени здесь ведут собственную жизнь, извиваясь в причудливом танце под светом магических кристаллов. Пол усыпан мерцающим песком, каждая песчинка которого хранит отблеск давно минувших эпох.

Слышен тихий звон древних артефактов, будто тысячи невидимых колокольчиков отзываются на присутствие магов. В воздухе витает едва уловимый гул. Иногда можно расслышать шепот ветра, просачивающегося сквозь невидимые щели в скалах.

В воздухе плавает пряный запах древних трав, смешанных с металлическим привкусом магической энергии. Легкий запах озона напоминает о грозовых бурях, а землистые оттенки указывают на связь с первородным камнем.

Воздух кажется густым, почти осязаемым, пропитанным магической энергией. Камни под ногами хранят прохладу, а редкие потоки воздуха несут легкую вибрацию, от которой по коже бегут мурашки.

Здесь время течет иначе, словно застыл в вечности. Каждый Хранитель, переступающий порог пещеры, ощущает груз ответственности и древнюю мудрость, сокрытую в этих стенах.

Место вызывает одновременно благоговейный страх и глубокое уважение. Оно похоже на сердце самого мироздания, где решаются судьбы миров.

В этой пещере время утрачивает власть над смертными, а пространство искажается под бременем древних тайн. Здесь каждый шорох имеет значение, а каждая тень хранит секреты, способные изменить ход истории.

В помещении собирались те, кто вершил историю: Старший Хранитель Илар, настоятельница Иара и Лея. Вслед за ним пришли еще старшие наставники.

Мирион прибыл первым. Его легкая поступь эхом отразилась от каменных стен. Он окинул взглядом зал, проверяя защитные заклинания.

Сагила появилась следом, неся с собой аромат цветущих садов. Ее присутствие наполнило пространство теплом и спокойствием.

Алиус вошел последним, его уверенные шаги говорили о решимости. Он занял свое место у центрального стола.

Мирион оказался высоким, худощавым мужчиной с резкими, но благородными чертами лица. У него были светлые, почти пепельные волосы, собранные в низкий хвост, и холодные серо-голубые глаза, в которых читалась глубокая мудрость. Кожа — бледная, с легким румянцем на скулах. Одет он был в свободные, но аккуратно скроенные одеяния из мягкой ткани светлых тонов. По краям мантии вышиты узоры, напоминающие листья или потоки энергии. На поясе — небольшой мешочек с редкими травами и амулет, усиливающий его связь с природными стихиями. Его облик излучал спокойствие и внутреннюю силу. Мирион — хранитель знаний и баланса. Его сила связана с управлением природными потоками: он может успокаивать бури, ускорять рост растений или создавать легкие ветерки для охлаждения воздуха. В совете он тот, кто напоминает остальным о необходимости гармонии, а не слепой агрессии.

Сагила восхитила ученицу. Женщина с темными, вьющимися волосами до плеч и теплыми карими глазами, в которых светится доброта и живой ум. У нее смуглая кожа и мягкие, округлые черты лица. Ее одеяния — насыщенных «землистых» оттенков. Ткань плотная, но не грубая, с вышивкой в виде цветов или символов плодородия. На шее — ожерелье из крупных камней, которое усиливает ее связь с землей и растительностью. Сагила — воплощение заботы и защиты. Она отвечает за благополучие живых существ в Храме: лечит раненых, следит за садами, защищает слабых. Ее магия связана с исцелением, ростом и жизненной силой. В совете она часто берет на себя роль эмпатичного слушателя, стараясь понять мотивы каждого, прежде чем предлагать решение.

Наставник Алиус был среднего возраста с короткой стрижкой темных волос и пронзительным взглядом. У него выразительные, чуть насмешливые брови и легкая щетина, которая добавляет облику мужественности. Кожа смуглая, с веснушками на переносице. Его наряд сочетает практичность и символику: темно-синяя мантия с яркими серебряными нитями. На груди — брошь в виде крыла, что подчеркивает его связь с защитой. Алиус — деятель и стратег. Он отвечает за организацию и защиту физического пространства Храма. Его магия направлена на создание барьеров, усиление защиты и отражение прямых угроз. В совете он тот, кто предлагает конкретные, иногда жесткие меры безопасности, но всегда с оглядкой на то, чтобы не нарушить общий баланс. При этом за суровой внешностью скрывается преданность друзьям и готовность прийти на помощь.

Настоятельница Иара представила Лею наставникам:

— Позвольте представить вам Лею — избранную хранительницу древних знаний.

Мирион первым нарушил молчание:

— Мы чувствуем, как темные силы набирают мощь. Наши защитные барьеры слабеют.

Сагила добавила:

— Я вижу, как живые существа страдают от этой борьбы. Нам нужно действовать сообща.

Алиус строго произнес:

— Мы должны усилить защиту Храма. Темные Хранители создают свои школы, искажая древние учения.

— Если мы не ударим первыми, они поглотят мир, — произнес Хранитель Времени, и в голосе божества звучала не только тревога, но и нетерпение.

Однако в тишине Грота Безвременья нашлась та, кто осмелилась возразить ему.

— Баланс нельзя сохранить страхом, — набравшись смелости, сказала Лея. — Ты сражаешься с тьмой ее же оружием. И потому сам приближаешь ее победу.

Хранитель Времени резко обернулся.

— Ты смеешь учить меня?

— Нет, — смутилась девушка. — Я лишь вижу то, чего ты уже не замечаешь.

В Гроуте Безвременья повисла тишина — не простая, а такая, в которой будто замирало само течение мысли.

Хранитель Времени долго смотрел на Лею, и в его взгляде, обычно холодном и неколебимом, мелькнуло что-то древнее, почти забытое — не гнев, а усталость.

— Ты говоришь, как будто знаешь цену промедлению, — медленно произнес он. — Но видела ли ты, что бывает, когда опаздывают хоть на один миг?

Лея стиснула пальцы, чувствуя, как под дрожащим полом Грота шевелятся часы, пески, секунды — все сразу, словно само время прислушивалось к их спору.

— Я видела, — тихо ответила она. — И именно поэтому не хочу, чтобы мир спасали тем, что сделает его таким же, как враг.

Хранитель Времени усмехнулся — коротко, без радости.

— Наивность нередко выдают за мудрость.

— А страх — за необходимость, — неожиданно твердо сказала Лея.

Это было дерзко. Слишком дерзко для смертной, стоящей перед тем, кто помнил первый рассвет и последний закат. Но в этот миг в глубине зала что-то дрогнуло: на гладком черном полу проступил тонкий светящийся узор, и древние руны, спавшие, казалось, вечность, начали одна за другой загораться бледным серебром.

Хранитель Времени заметил это первым. Его лицо изменилось.

— Что ты натворила?

Лея отступила на шаг, не понимая, что происходит.

— Я ничего не делала.

— Тогда почему Грот откликается на тебя?

Прежде чем она успела ответить, воздух разрезал высокий, протяжный звон. Не звук — предупреждение. В этот момент один из хрустальных светильников на стене треснул, и из него вырвался темный дым. В нем проступили образы: испуганные ученики, разрушенные башни, маги, запечатые в клетках собственной силы.

И среди них — сам Хранитель Времени, стоящий на вершине башни, одинокий и величественный, но уже не светлый, а холодный, как беззвездная ночь.

Он отшатнулся.

— Нет... этого не может быть.

Но видение не исчезало. Напротив, оно становилось яснее: каждый его приказ, каждая попытка подчинить мир ради порядка лишь питали ту самую тьму, с которой он боролся.

Тогда Лея подошла ближе.

— Баланс не в том, чтобы удержать все в кулаке, — мягко сказала она. — Он в том, чтобы позволить силам жить, не подавляя друг друга.

Мирион обратился к девушке:

— Лея, твои способности поистине уникальны. Мы ощущаем особую связь между тобой и древними знаниями.

Сагила мягко улыбнулась и добавила:

— Ты не просто хранительница — ты наша надежда в этой борьбе.

Алиус серьезно произнес:

— Мы доверяем тебе важную миссию. Тебе предстоит научиться распознавать темные силы и противостоять им.

Лея покинула Чертог с новым осознанием своей миссии. Она ощущала поддержку наставников, но понимала, что впереди ее ожидают тяжелые испытания. Особенно ее беспокоило поведение Эриона, который становился все более отстраненным и холодным.

Она медленно поднималась по каменным ступеням, и с каждым шагом тяжесть слов наставников становилась ощутимее. Теперь она не просто ученица, не просто свидетельница древних тайн. Ей предстояло стать тем, кто сможет удержать равновесие между светом и тенью, если мир снова начнет склоняться к хаосу. Эта мысль пугала ее, но вместе с тем и придавала сил. Если судьба выбрала ее, значит, у нее хватит мужества пройти до конца.

Окружающее пространство Грота встретило ее тишиной. Высокие арки отбрасывали длинные тени, ветер шевелил тонкие ветви деревьев, и все вокруг казалось застывшим в ожидании. Лея остановилась у источника и, глядя на отражение в темной воде, попыталась уловить в себе прежнюю уверенность. Но вместо этого перед ней снова возник образ Эриона: его холодный взгляд, сдержанные ответы, едва заметное напряжение в голосе, которое он тщетно пытался скрыть.

Она любила Эриона и потому особенно остро чувствовала перемену. В нем словно что-то надломилось — не снаружи, а глубоко внутри. Он избегал ее взгляда, исчезал, когда разговор приближался к важному. И всякий раз, когда Лея пыталась спросить прямо, воздвигал между ними невидимую стену. И все же в этой отчужденности было нечто большее, чем простая холодность. Словно он берег ее от правды. Или себя — от того, что она могла узнать.

Лея сжала пальцы и решила, что больше не станет ждать. Каким бы тяжелым ни было предстоящее испытание, она должна встретиться с ним лицом к лицу: с Эрионом, с тайной, которую он скрывал, и с тем, что уже надвигалось на Чертог из темных коридоров мира. И если ответы окажутся страшнее ее опасений, что ж — значит, ей придется стать сильнее, чем она была вчера.

Лея была полностью поглощена изучением нового заклинания, когда магический сгусток, выпущенный неопытным учеником, полетел прямо в ее сторону. Она замерла, осознав свою ошибку — защитный барьер не был выставлен. Закрыв глаза в ожидании удара, она почувствовала лишь легкое дрожание воздуха.

Когда она открыла глаза, то увидела перед собой защитный щит, созданный Эрионом. Их взгляды встретились. В его глазах читалась привычная расчетливость, но теперь к ней примешивалась искренняя забота.

— Ты в порядке? — его голос звучал непривычно мягко.

Лея, все еще находясь в шоке от произошедшего, смогла лишь кивнуть.

Эрион, словно ничего не произошло, предложил проводить ее до комнаты. По пути он был непривычно молчалив, погруженный в свои мысли. Лея чувствовала, что что-то изменилось.

— Спасибо тебе, — наконец нарушила она тишину. — Я не ожидала, что ты...

— Не стоит благодарности, — перебил он. — Просто не хотелось, чтобы кто-то пострадал из-за чьей-то неопытности.

У дверей ее комнаты Эрион остановился:

— Будь осторожнее. В последнее время здесь происходит слишком много странного.

Лея внимательно посмотрела на него. Она чувствовала, что он что-то скрывает, но не могла понять, что.

— Ты тоже будь осторожен, — тихо ответила она.

Эрион случайно столкнулся с Леей в коридоре, когда она возвращалась из хранилища древних манускриптов. Его глаза жадно блеснули при виде тяжелого ключа в ее руке.

— Лея, ты выглядишь задумчивой, — мягко произнес он, его голос звучал непривычно нежно. — Что-то тревожит тебя?

Лея, растроганная его вниманием, не смогла скрыть своих чувств:

— Я... я беспокоюсь о Храме. О том, что происходит с некоторыми наставниками.

Эрион притворился обеспокоенным:

— Расскажи мне. Я хочу помочь.

Под влиянием искренности в его голосе и старых чувств Лея проговорила:

— У меня есть доступ к древним свиткам. Там хранятся знания о Хранителе Времени... и о его тайне.

Лицо Эриона осталось непроницаемым, но внутри он ликовал.

— Хранителе Времени? — переспросил он с деланным интересом. — Что за тайна?

Лея, чувствуя необъяснимое доверие к нему, предложила:

— Я... я могла бы показать тебе. Но это строго запрещено.

Эрион изобразил колебания:

— Ты уверена? Это может быть опасно.

Лея не поняла свою ошибку. В тот миг, когда слова, сорвавшиеся с ее губ в порыве доверия и смятения, уже достигли ушей Эриона, он выслушал ее с тем спокойствием, которое обычно внушает доверие. Лишь едва заметное напряжение в его взгляде выдало, насколько важной оказалась для него услышанная тайна.

— Там говорится о том, что Хранитель Времени обладает силой бессмертия... и могущества, превосходящего все, что мы знаем.

— Значит, это и есть тот самый свиток? — тихо спросил он, словно речь шла о чем-то незначительном. — Тот, о котором ты не должна была говорить никому?

— Я... я не должна была... — прошептала она, отступая на шаг. — Эрион, забудь об этом. Прошу тебя.

Но он уже понял главное: не содержание свитка, а путь к нему.

Эрион не стал настаивать грубо. Напротив, он сделал то, что удавалось ему лучше всего: придал своему голосу мягкость, а словам — вид заботы и участия.

— Лея, — произнес он почти с сожалением, — ты думаешь, я желаю тебе зла? Я лишь хочу понять, почему тебя держат в неведении, тогда как тебе доверили столь опасную обязанность. Если свиток столь важен, разве не разумно убедиться, что он хранится в безопасности?

Его спокойствие обмануло бы и более опытного человека. Лея, ослабленная внутренней борьбой и сбита с толку собственной привязанностью, дрогнула. В ее взгляде уже не было прежней уверенности.

— Ты не понимаешь, — сказала она с горечью. — Это не просто рукопись. Если кто-то узнает о ней, последствия будут непоправимы. Лея побледнела: в том свитке заключена не просто древняя запись, а тайна могущества и бессмертия Хранителя Времени — знание, способное изменить равновесие между эпохами и поколениями.

— Тогда тем более покажи мне, где она хранится, — мягко ответил Эрион. — Я не позволю никому причинить тебе вред. И если есть угроза, мы должны устранить ее вместе.

Эти слова оказались решающими. В них было ровно столько участия, чтобы усыпить осторожность, и ровно столько настойчивости, чтобы Лея поверила: он действует не из корысти, а из желания защитить ее. Именно этим он и воспользовался.

На следующий день, когда Лея вела его в хранилище древних рукописей, Эрион шел рядом с ней с видом сосредоточенного спутника. Он внимательно расспрашивал о порядках,

о замках, о печатях, о том, кто имеет право входа. Лея отвечала неохотно, но все же отвечала — его внимание казалось ей почти искренним.

— Хранилище охраняется не только замками, но и печатями, — сказала она, останавливаясь перед тяжелой дверью из темного камня. — Каждый свиток здесь под защитой. Тот, что ты ищешь, нельзя брать в руки без крайней необходимости.

— Я понимаю, — кивнул Эрион. — Ты поступаешь правильно. Я просто хочу увидеть его, чтобы убедиться, что никто не воспользуется им против тебя.

Лея поднесла ключ и коснулась древнего механизма. Дверь с глухим скрипом отворилась, и в полумраке показались ряды стеллажей, заполненных рукописями, пергаменами и свитками. Воздух был сухим и неподвижным, будто само время здесь затаило дыхание.

Эрион замедлил шаг, демонстративно проявляя почтение к месту.

— Какое здесь величие, — произнес он. — И какая ответственность лежит на тебе одной.

Слова были сказаны тихо, но Лея услышала в них то, что хотела услышать: признание ее значимости. Именно этого ей недоставало — и именно на этом Эрион сыграл. Он знал, что юная хранительница склонна принимать внимание за искренность, а мягкость — за честность.

Она провела его глубже, к скрытому отделению, где хранился искомый свиток. Перед ним стоял невысокий стол из темного дерева, на котором лежала узкая шкатулка с тонкой резьбой.

— Здесь, — сказала Лея, и голос ее дрогнул. — Но я не должна открывать ее без крайней нужды.

Эрион слегка склонил голову. Он почти коснулся губами губ девушки. Его горячее дыхание обожгло кожу Леи. Хранительница замерла, не решаясь ни отступить, ни поднять взгляд. В этой короткой паузе между ними будто исчез весь шум мира — остались только его дыхание, биение ее сердца и почти невыносимое ожидание.

Эрион не спешил. Казалось, он предоставлял ей возможность самой определить, что произойдет дальше. И от этого напряжение лишь усиливалось.

— Ты уже сделала достаточно. Дальше я все возьму на себя, — с едва заметным придыханием произнес юноша.

Он прошептал это так уверенно, что Лея на мгновение отступила в сторону, словно действительно передавала ему часть своей тревоги, а не совершала опаснейшую ошибку. В тот же миг Эрион изменился. Лицо его осталось спокойным, но движения стали точными и холодными. Он не сделал ни одного лишнего жеста.

Сначала он отвлек ее внимание на другую сторону помещения.

— Что это за печать? — спросил он, указывая на старую табличку у дальнего стеллажа. — Она выглядит древнее остальных.

Лея машинально повернулась.

— Там записи о хрональных нарушениях, — ответила она. — Их почти никто не изучает.

Этого мгновения оказалось достаточно. Эрион незаметно снял с пальца тонкое кольцо с выгравированным знаком и коснулся им края шкатулки. Раздался едва слышный щелчок: механизм, рассчитанный на защиту от грубого взлома, уступил заранее подготовленному ключевому знаку. Он знал, что искать. Знал, как обойти охранные узлы, не оставив следов взлома.

Когда Лея обернулась, шкатулка уже была приоткрыта. Эрион не смотрел на нее прямо — он позволил ей увидеть только самое необходимое, чтобы не вызвать подозрений. Юноша медленно вытащил свиток, на миг задержав его в ладонях, оценивая древнюю силу, заключенную в ветхой ткани и знаках.

— Не трогай его без перчаток, — поспешно сказала Лея. — На нем защитные чары.

— Разумеется, — спокойно ответил Эрион. — Ты снова спасла положение.

В этом и заключалось его искусство: он заставлял ее чувствовать себя не обманутой, а полезной; не преданной, а участницей события, смысл которого она еще не успела осознать. Пока она пыталась понять, не нарушила ли правила, Эрион уже завершал кражу.

Он аккуратно свернул свиток и вложил его в узкий футляр, приготовленный заранее. Затем мягко закрыл шкатулку, вернув ее на место без видимых следов вмешательства.

— Все в порядке, Лея, — произнес он, и голос его снова стал теплым. — Никто не заметит.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она настороженно. — Почему ты говоришь так? Эрион едва заметно улыбнулся, но улыбка эта не коснулась глаз.

— Потому что ты не позволишь себе поверить в худшее. А я не стану заставлять тебя смотреть на это прямо сейчас.

Лея отступила на шаг. На ее лице одновременно отразились страх, унижение и запоздалое осознание.

— Ты использовал меня... — выдавила она из себя глухим, севшим голосом.

— Я воспользовался твоей доверчивостью, — поправил он ровно. — Это не одно и то же. Хотя разница, возможно, покажется тебе неутешительной.

Она подняла на него взгляд, в котором уже не осталось прежней мягкости.

— Тайны не делают тебя сильнее, Эрион.

Он задержался у двери и, не оборачиваясь, ответил:

— Напротив. Они лишь показывают, кто умеет ждать, а кто — теряет бдительность.

Когда он растворился в полумраке коридора, Лея осталась одна среди безмолвных стеллажей, чувствуя, что запоздалое раскаяние отягощает ее сильнее любого обвинения. Она понимала: свиток утрачен не случайно. Его не отняли силой. Его получили благодаря искусно внушенному доверию, на которое она сама согласилась откликнуться. И теперь тайна Хранителя Времен была в руках человека, который лучше других умел превращать чувства в оружие.

Глава 7

Лея медленно провела пальцами по ребру ближайшего стеллажа, будто в холоде дерева еще можно было нащупать следы чужого присутствия. Воздух в архиве казался неподвижным, но в этой неподвижности ей чудилось напряжение — как в натянутой струне, которая вот-вот сорвется в дрожащий звук.

Свиток исчез из хранилища пять минут назад. Тогда она еще верила в случайность, в непредусмотренную оплошность, в чью-то неосторожную руку. Теперь же каждая деталь складывалась в жесткую ясность: слишком точный вопрос, слишком мягкий голос, слишком вовремя сказанное сочувствие. Он не ломал стены. Он находил в них трещины и расширял их терпением.

Лея закрыла глаза.

Перед ней вновь всплыло его лицо — спокойное, почти печальное, с тем выражением, которое всегда обезоруживало. Он не выглядел победителем. И именно это делало его опасным. Победители требуют признания, а он предпочитал, чтобы ему просто верили.

Девушка долго не могла прийти в себя после осознания предательства. Ее сердце разрывалось между любовью к Эриону и пониманием того, что он предал Храм.

Юная магесса наконец открыла глаза, и в них застыл холодный, расчетливый блеск. Она направилась к настоятельнице Иаре, но предательская дрожь в руках выдавала ее смятение. В голове лихорадочно пульсировал один вопрос: как облечь случившееся в слова, чтобы быть услышанной?

Иара встретила ее в кабинете, едва взглянув на вошедшую.

— Что случилось, дитя мое? Ты сама не своя, — мягко, но настороженно спросила она.

Лея, едва сдерживая подступающие слезы, сделала глубокий вдох:

— Я... я совершила непоправимое. Я открыла Эриону путь к хранилищу, и он... он украл свиток.

Лицо настоятельницы вмиг окаменело.

— Рассказывай все, — отрезала она, не сводя с девушки пронзительного взгляда. — Ничего не утаивай.

Лея выговорила, не скрывая боли. Она рассказала о своих чувствах к Эриону, о его искусных манипуляциях и о том, как сама привела его в хранилище. Голос ее дрожал, когда она описывала момент кражи.

Наставница слушала молча, лишь изредка кивая.

— Ты поступила правильно, что пришла, — наконец произнесла она. — Теперь нужно действовать быстро.

Они немедленно отправились к Старшему Хранителю. Выслушав их, Илар помрачнел:

— Я подозревал, что среди нас завелся предатель.

Его взгляд стал решительным:

— Мы должны вернуть свиток любой ценой. Но действовать нужно предельно осторожно — мы не имеем права на новую ошибку.

Лея чувствовала себя опустошенной. Она с горечью осознавала: ее наивность и слепая влюбленность обернулись катастрофой.

Запершись в своей комнате, она подолгу вглядывалась в безмолвное звездное небо, понимая, что прежний мир безвозвратно рухнул. Сердце ныло от предательства Эриона, хотя холодный рассудок твердил: иного пути не было.

Тем временем Хранители, не ведая беды, разрабатывали план возвращения свитка. Они не подозревали, что артефакт уже в руках Каэлуса, который готовился провести ритуал и пробудить Пожирателя миров для своих темных целей.

Эрион добрался до Каэлуса, когда сумерки уже поглотили узкие коридоры древнего подземелья. В зале, пропахшем сыростью и оплывшим воском, потемневшие от времени символы на стенах казались живыми в неверном свете.

Наставник ждал его в центре зала. Увидев ученика, он расплылся в торжествующей улыбке:

— Ты справился блестяще, мой юный преемник. Свиток в твоих руках — ключ к силе, о которой не смеют мечтать смертные.

Эрион протянул древний манускрипт, стараясь скрыть дрожь в пальцах:

— Я принес то, что вы просили. Теперь моя очередь получить обещанное.

Каэлус шагнул навстречу, и его голос, вкрадчивый и вязкий, заполнил пространство:

— О, ты получишь куда больше, чем можешь вообразить. Власть, бессмертие, само мироздание — все склонится перед тобой.

— Как? — жадно выдохнул Эрион.

Каэлус указал на алтарь, скрытый в тени:

— В «ведьмин час» мы совершим ритуал. Твоя преданность будет вознаграждена. Ты станешь моим наследником и хранителем знаний, что изменят этот мир.

У темных хранителей были иные планы. В глубинах святилища, скрытого под руинами храма, они готовили призыв своего повелителя. Каменный зал был погружен в полумрак, который лишь частично рассеивали чадающие черные свечи и багровое мерцание магических печатей. Воздух, наполненный гулом запретных заклинаний, дрожал от напряжения, а по стенам скользили рваные зловещие тени. Хранители застыли в ожидании полнолуния. Они верили, что лишь холодный лунный свет напаяет их магию и сделает ритуал необратимым.

Глава темного ордена наблюдал за приготовлениями, его взгляд был прикован к окну, где луна неумолимо приближалась к полноте.

— Скоро, — прошептал он. — Пробуждение близко. Ты станешь свидетелем рождения новой эры.

Эрион, охваченный предвкушением, шагнул вперед:

— Я готов. Что мне нужно сделать?

Каэлус едва заметно улыбнулся:

— Просто встань на алтарь. Остальное мы берем на себя.

Как только Эрион поднялся на возвышение, хранители сомкнули кольцо. Их голоса слились в монотонную, вибрирующую песнь призыва. Воздух в зале стал тяжелым, пропитавшись запахом древних благовоний и шепотом запретных заклинаний. Тени на стенах ожили, принимая пугающие очертания забытых существ.

В кульминационный момент, когда лезвие ритуального кинжала коснулось его груди, Эрион встретился взглядом с Каэлусом. В глазах наставника не было сострадания — лишь холодное торжество.

— Ты был полезен, Эрион, но твое время вышло. Твоя жизнь — лишь ступенька к нашей цели.

Юноша осознал ловушку слишком поздно. Окруженный со всех сторон, он не мог даже пошевелиться.

— Ты сам привел нас к свитку, — продолжал Каэлус, — а теперь твоя кровь станет ключом к пробуждению.

Холод металла пронзил сердце, вытесняя остатки боли. В последние мгновения Эриона накрыло горькое прозрение: он был лишь инструментом в чужой игре, точно так же, как когда-то использовал доверие и любовь Леи. Круг замкнулся.

— Ты... предал... всех, — прошептал он, проваливаясь в небытие.

Темные хранители завершали ритуал. Энергия угасающей жизни Эриона стала последним катализатором, пробудившим древнее зло.

В глубине святилища, там, где круг магических знаков уже начинал пульсировать, как живое сердце, свиток, ради которого все это было затеяно, медленно раскрылся сам собой. Его древние печати вспыхнули серебром, и из пергамента поднялся высокий, почти невидимый столб света.

Темные хранители отшатнулись.

Пол под алтарем дрогнул, будто под ним шевельнулась бездна. Из трещин в плитах поднялся густой мрак, и воздух наполнился шорохом чужих голосов. Один из темных хранителей ордена, самый старший, в ужасе выкрикнул слова отмены, но было поздно: заклинание, напитанное жертвой, не знало пути назад.

Тогда святилище содрогнулось так, что с потолка посыпалась пыль и обломки древних барельефов. Черные свечи погасли разом. Алое сияние знаков превратилось в ослепительно-белое, а затем ударило вверх, словно молния, пронзив темный купол храма.

Тем временем в руинах над святилищем уже слышались шаги. Лея и Хранители Памяти пришли слишком поздно. Люди ломали завалы, спускаясь в подземелье, пока запах дыма и крови не ударил им в лица. Они увидели разрушенный круг, мертвого послушника.

Лея застыла на краю пролома, не сразу решаясь спуститься ниже. Камни под ногами еще хранили тепло недавнего огня, а внизу, среди обвалившихся плит, тлели обрывки факелов. Хранители Памяти молчали — слишком редкое и потому страшное молчание.

— Что вы сделали? — прошептал он.

Ответа не последовало. Илар опустился на колено возле разрушенного круга и провел пальцами по выбитым в камне знакам. Его лицо заметно побледнело.

— Печать сломана не силой, — сказал он тихо. — Ее знали.

Лея перевела взгляд на мертвого послушника. Юноша лежал на спине, будто пытался закрыть собой проход. На груди у него темнело пятно крови, а рядом — выпавший из рук свиток. Он был слишком молод для смерти, и именно это почему-то ударило сильнее всего. На мгновение ей показалось, что она слышит его последний вдох, застрявший между камнями. Из глубины подземелья донесся глухой звук — не то стон, не то движение заваленного камня.

Все обернулись.

— Там кто-то есть, — прошептал один из Хранителей.

Лея шагнула вперед, но старший удержал ее за руку.

— Не спеши. Если они остались, значит, либо прячутся, либо ждут.

— Или пытаются закончить начатое, — сказала Лея.

Но ответом на их вопрос стал гул, поднявшийся из глубины разлома. Из-под алтаря, где чернела трещина в камне, потянуло таким холодом, что у воинов поседели виски за один миг. Из бездны поднялся шепот — древний, безымянный, бесконечно голодный.

Пожиратель Миров откликнулся.

В черном мареве начал проступать огромный силуэт, сотканный из дыма и пустоты. У него не было лица, но в самой его сердцевине горели два провала, похожие на глаза, в которых исчезало все живое.

Древний храм пробудился от многовекового сна. Его залы, вырубленные в скале, наполнились отголосками битвы. В центре главного зала, освещенного светом полной луны, сошлись два могущественных существа.

Стены храма, покрытые древними рунами, пульсировали от напряжения. Магические кристаллы в стенах меняли цвет от голубого до багрового, отражая ход битвы.

Хранитель Времени возник в центре зала. Его фигура испускала сияние, а вокруг него вились потоки времени.

— Ты не сможешь одержать победу, Пожиратель, — произнес он, пристально глядя на противника. — Я оберегаю равновесие миров.

Пожиратель Миров рассмеялся, и его голос эхом разнесся по стенам:

— Равновесие? Ты говоришь о равновесии, когда сам нарушаешь его своей властью? Я — воплощение подлинной силы!

Внезапно одно из существ — высокий, закованный в треснувшие доспехи бог — отступил на шаг, и по каменному полу побежали тонкие молнии. Его клинок, выкованный из самого света, дрожал в руке, но взгляд оставался твердым, как у тех, кто поклялся охранять святыни до последнего вздоха.

Напротив него возвышался древний противник. Из-под рваного плаща струился мрак, собираясь вокруг ладоней в клубящийся вихрь. С каждым его движением воздух тяжелел, словно храм не желал принимать этого пришельца. Он медленно поднял руку, и руны на стенах вспыхнули одна за другой, будто откликнувшись на давно забытое имя.

— Ты слишком долго держал власть в своих руках! — прошипел Магистр Теней.

Два божества сошлись в схватке. Хранитель Времени создавал временные петли, пытаясь застать противника врасплох, но Пожиратель без труда разрывал когтями, сотканными из чистой тьмы.

Над полем боя поднялся гул, будто само небо трещало по швам. Каждый удар Хранителя Времени отзывался вспышкой золотого света: секунды множились, дробились, рассыпались в воздухе хрупкими осколками. Он отступал на шаг, и шаг этот превращался в тысячу повторений; он взмахивал посохом, и вокруг Пожирателя смыкались кольца времени, сдавливая пространство.

Но Пожиратель лишь улыбался — холодно, почти безумно. Его тень расплзалась по земле, поглощая свет, память и саму надежду. Где проходили его когти, там исчезали мгновения: птицы замирали в небе, искры переставали падать, а сердца смертных на далеких землях сбивались с ритма, будто кто-то невидимый стиснул их в ладони.

— Ты слишком долго сторожил порядок, — прорычал Пожиратель, и голос его прозвучал сразу отовсюду. — Все, что было создано, однажды станет пищей.

Зал наполнился отголосками древних заклинаний. Потoki энергии били в стены, оставляя на них глубокие трещины. Магические кристаллы взрывались, осыпая бойцов осколками.

— Ты слаб, Хранитель, — прошипел Пожиратель. — Твоя сила основана на иллюзии порядка.

Хранитель Времени не дрогнул. Сияние вокруг него стало плотнее, и в воздухе зазвенели тонкие, как стекло, нити секунд и минут.

— Сила без меры — всего лишь голод, — ответил он. — А голод всегда пожирает самого себя.

Пожиратель Миров поднял руку, и тьма вокруг него за клубилась, словно живая бездна. По полу зала побежали трещины, из которых вырвались багровые искры. Стены задрожали. За пределами зала послышался глухой гул — будто сами миры, заключенные в великом храме-нилице времени, содрогнулись от его присутствия.

— Я разрушу твои чары, Хранитель, — прорычал Пожиратель. — И тогда все, что ты оберегал, рассыплется в прах.

Он шагнул вперед, и пространство перед ним исказилось. Реальность смялась, будто тонкая ткань, и из разрыва хлынул поток черного пламени.

Хранитель поднял ладонь, на которой мерцал древний символ вечности, и ударил им по полу.

В тот же миг время замерло.

Капли разрушительного огня остановились в воздухе, застыв в нескольких ладонях от его лица. Пыль повисла неподвижной завесой. Даже дрожь в стенах исчезла, словно кто-то вырвал сам звук из этого пространства.

Однако Пожиратель Миров лишь усмехнулся.

— Ты думаешь, что можешь остановить меня? — Его голос прозвучал глухо, но в нем была насмешка. — Я уже существовал в пустоте до того, как ты научился считать мгновения.

И он сделал шаг — вопреки остановленному времени.

Трещина, искажая саму ткань мира, расползлась под его ногами. Хранитель нахмурился: такое было возможно лишь для существа, чья воля сильнее законов, которые он нарушал. Впервые за долгие эпохи он ощутил не тревогу — нет, нечто куда опаснее. Угроза была настоящей.

— Значит, ты все же помнишь древние пути, — тихо произнес Хранитель. — Но ты забыл главное: даже вечность подчиняется тем, кто готов ее защитить.

Он ударил ладонью второй раз, и вокруг него вспыхнул круг золотого света. Из этого круга поднялись фигуры — тени прошлых эпох, образы тех, кто когда-то приносил себя в жертву ради служения Пожирателю. Они не были живыми, но их присутствие наполняло зал неведомой силой.

Пожиратель Миров отступил на полшага, и на его лице впервые мелькнуло раздражение.

— Призраки прошлого? — прошипел он. — Ты надеешься победить меня памятью?

— Не памятью, — ответил Хранитель. — Наследием.

Застывшее время вдруг дрогнуло и потекло обратно, но уже по иной траектории. Черное пламя Пожирателя развернулось против него, отраженное тонкими нитями света. Зал наполнился грохотом, словно столкнулись два океана: один — темный и бездонный, другой — сияющий и бесконечно древний.

И тогда, сквозь шум битвы, раздался новый звук.

Тихий.

Почти неслышный.

Это был голос юного ученика, до сих пор скрывавшегося в тени колонн.

— Хранитель Илар... — прошептал он, с трудом поднимаясь на ноги. — Врата... они открылись.

Хранитель Времени резко обернулся. В дальнем конце зала, там, где прежде стояла печать равновесия, вспыхнула узкая щель света. Она дрожала, будто рана на теле мира, и из нее уже проступала иная реальность — холодная, чужая, готовая в любой миг хлынуть внутрь.

Пожиратель Миров увидел это и рассмеялся так громко, что его смех отозвался в самой пустоте.

— Вот оно, — произнес он с торжеством. — Пока ты сражаешься со мной, твои миры уже начинают падать. Ты выбрал не тот бой, Хранитель Времени.

Светлый Хранитель на мгновение обернулся, понимая: если враг доберется до сердца храма, все будет потеряно. Но если он отступит, то предаст клятву, данную еще в эпоху, когда звезды над этим миром светили иначе.

В решающий момент сражения Пожиратель Миров совершил мощную атаку, нацеленную в сердце Хранителя. Его когти, напитанные тьмой, пробили защиту противника.

Из рассеченной брони вырвался ослепительный свет, обжигающий, словно расплавленное золото, растекающийся по доспехам темными трещинами. Он был таким ярким, что казалось, будто само солнце раскололось надвое, проливая свой свет на иссушенную землю.

— Теперь ты мой! — прорычал темный бог, и голос его эхом отразился от стен, превратившись в зловещую симфонию боли и торжества. Его глаза, пылающие алым огнем, впились в лицо Хранителя, словно пытаясь выжечь его душу.

С чудовищной силой он вырвал бьющееся сердце Хранителя — еще живое, пульсирующее, наполненное древней магией. Но вместо того чтобы поглотить его целиком, как делали

прежде, темный бог медленно, с садистским наслаждением, разделил его на две части. Кровь, подобная расплавленному серебру, стекала по его пальцам, оставляя на доспехах причудливые узоры.

В этот момент время, казалось, остановилось. Каждый удар сердца Хранителя отдавался в воздухе, словно последний звон погребального колокола. Тьма, исходящая от темного бога, становилась все гуще, поглощая последние отблески света, а его смех — холодный, торжествующий — разносился по залу, предвещая начало новой эры.

— Так твоя сила никогда не возродится, — произнес он, пряча половинки в разных концах мироздания.

Храм содрогнулся от мощи произошедшего. Стены начали рушиться, магические кристаллы гасли один за другим.

В этот момент в глубине зала пришли в себя хранители памяти и послушники. Они видели, как их защитник пал, а тьма одержала победу.

— Мы должны сохранить то, что осталось, — произнесла настоятельница Иара, глядя на разрушенный храм. — Его жертва не должна быть напрасной.

В храме царила паника, подобная шторму, вздымающему волны отчаяния. Лея почувствовала, как меняется баланс сил — словно невидимые весы начали крениться в сторону тьмы. Магические потоки искажались, превращаясь в извивающихся змей. Защитные барьеры трескали по швам, будто древние цепи, готовые вот-вот разорваться под натиском неистовой силы.

Послушники метались, словно листья на ветру, их голоса сливались в единый хор страха и непонимания:

— Что происходит? — вопрошали они друг друга, но ответы тонули в нарастающем гуле тревоги.

Старший хранитель Илар, словно скала посреди бушующего океана, пытался удержать остатки защиты. Его руки дрожали от напряжения. Аура источала сияние, становившееся все бледнее с каждой секундой. Пот струился по его лицу, оставляя соленые дорожки. В глазах читалась усталость, граничащая с отчаянием.

— Хранитель Времени пал, — произнес он, глядя на небо, где полная луна окрашивалась в багровый цвет, пропитанная кровью древних битв. — Но его наследие живет в нас.

В этот момент воздух наполнился металлическим привкусом тревоги. Тени удлинились, готовясь поглотить последние островки света. Каждый вздох казался тяжелее предыдущего, а время, словно издеваясь, замедлило свой бег, превращая каждую секунду в вечность.

Временные разломы начали появляться в разных частях мира. Магия стала нестабильной, а баланс между светом и тьмой пошатнулся.

Боги, наблюдавшие за происходящим, поняли: пришло время вмешиваться. Они начали спускаться в мир, принимая разные обличья, чтобы попытаться восстановить равновесие.

— Века Баланса подходят к концу, — пророчествовали древние оракулы. — Грядут времена испытаний.

Мир разделился на сферы влияния. Там, где раньше царил баланс, теперь боролись свет и тьма. Хранители, некогда единые в своей миссии, теперь стали врагами.

— Мы защитим истинные знания! — провозглашали светлые.

— Мы принесем новую эру силы! — отвечали темные.

И только эхо предательства Хранителя Времени разносилось по временным потокам, напоминая о том, что даже самые могущественные могут пасть, если потеряют бдительность.

Прошло три месяца. Хранители памяти, привыкшие беречь не только знания, но и саму надежду, изо всех сил пытались помочь людям выжить в изменившихся реалиях. Они откры-

вали уцелевшие хранилища, сортировали обгоревшие свитки и фрагменты хроник, восстанавливали по крупницам утраченные сведения о безопасных маршрутах, источниках воды, местах, где еще можно было укрыться от опасности. Учили выживших не поддаваться панике. Распределяли припасы, следили за тем, чтобы слабые и раненые не оставались без помощи. И день за днем удерживали хрупкий порядок там, где еще недавно царили страх и хаос.

Илар, Иара и еще трое хранителей из Совета особенно внимательно заботились о Лее. Они скрывали ее от чужих глаз, понимая, что ее появление могло вызвать новые вопросы и новую угрозу. В укрытии, среди холодных каменных стен и мерцающего света кристаллов, наставники старались говорить с ней мягче, чем обычно, хотя напряжение не покидало ни одного из них.

Илар подошел к Лее:

— Мы знаем, как тебе тяжело, дитя. Но ты не должна винить себя в случившемся. Тебе нужно немного отдохнуть.

Иара добавила:

— Эрион сделал свой выбор. Мы должны сосредоточиться на поиске способа победить тьму.

Мирион предложил:

— Давайте изучим древние записи. Возможно, там есть подсказка о том, как вернуть осколки сердца Хранителя Времени.

— Отдых не вернет мне утраченное, — ответила Лея, и в ее голосе звучала едва сдержанная боль.

Илар шагнул ближе, раскладывая на столе пожелтевшие записи и поврежденные схемы.

— Не вернет, — согласился он. — Но, возможно, вернет шанс. Мы не остановились. И не остановимся.

Они вместе изучали уцелевшие документы, сравнивали знаки, отыскивали в старых записях упоминания о способах противостоять темному Пожирателю. Страница за страницей они просматривали хроники, где говорилось о древних ритуалах, о забытых артефактах и о редких веществах, способных ослабить власть тьмы. Иногда находки оказывались ложными, иногда — лишь намеком, но и этого хватало, чтобы продолжать.

— Здесь есть упоминание об осколках сердца, — сказал один из хранителей, проводя пальцем по строкам. — Но текст поврежден. Пропущена часть.

Лея резко подняла голову.

— Прочтите все, что осталось.

— «...лишь тот, кто объединит свет памяти и силу утраты...» — медленно произнес он, хмурясь. — Остальное стерто.

В комнате повисла тяжелая тишина. Даже потрескивание лампы звучало слишком громко.

— Значит, это не конец, — наконец сказал Илар, сжимая край стола. — Значит, путь есть. Мы просто еще не нашли его полностью.

Иара встретила взглядом с Леей и кивнула, будто давая ей молчаливое обещание.

— Пока мы живы, — сказала она, — Пожиратель Миров не получит покоя. И осколки сердца мы либо вернем, либо погибнем, пытаясь защитить.

Лея ничего не ответила, но в ее взгляде впервые за долгое время мелькнуло не только горе, но и едва заметная, хрупкая надежда.

Хранители погрузились в дальнейшее изучение древних манускриптов; их пальцы трепетно скользили по пожелтевшим страницам, словно пытаясь уловить последние отголоски дыхания давно ушедших эпох. Пылинки танцевали в тусклом свете магических ламп, отбрасывая причудливые тени на покрытые рунами стены.

Сагила склонилась над древним свитком, ее глаза расширились от тревоги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.